

Александр Прозоров
Алексей Живой

ЛЕГИОН

Смертельный удар

Легион

Александр Проzorов

Смертельный удар

«Автор»

«Автор»

2009

Прозоров А. Д.

Смертельный удар / А. Д. Прозоров — «Автор», «Автор»,
2009 — (Легион)

Вернувшись в Тарент, Федор Чайка узнает, что Ганнибал действительно отказался подчиняться сенату и захватил власть на подконтрольных ему территориях Испании, Южной Италии и Сицилии, объявив себя новым тираном. Еще не закончилась война с Римом, как начинается гражданская война внутри владений Карфагена. Грядет новый передел мира. Собственный сенат, который еще недавно поддерживал Ганнибала, теперь готов пойти на все, чтобы остановить продвижение мятежных войск к Карфагену. Даже на союз с Римом. Но Ганнибал намерен уничтожить сопротивление сената и стать полновластным хозяином всех его владений. На помощь армии своего брата, которая уже находится в Нумидии, сражаясь с войсками сената, он направляет еще одну под командой Федора Чайки. Эта армия собиралась тайно и ее появление на театре военных действий должно склонить чашу весов в пользу нового тирана.

© Прозоров А. Д., 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Прозоров, Алексей Живой

Смертельный удар

Часть первая

«Новый тиран»

Глава первая

«Мессана»

С рассветом шторм почти прекратился. Свежий ветер лишь пенил гребни волн, а не вздымал их до горизонта, как это было вчера, и триера могла спокойно идти под парусом. Врагов тоже можно было не опасаться, — здешние воды уже давно находились под контролем карфагенян.

Капитан, широкоплечий бородач в доспехах, удовлетворенно вздохнул, окинув взглядом морские просторы. С наслаждением втянул носом соленый воздух.

— Эта проклятая ночь позади, — проговорил он, прикрыв ладонью глаза от яркого солнца, — и скоро мы будем на месте.

— Послушай, Йехавмилк, а почему берег с правой стороны? — насторожился Федор, стоявший рядом с ним на корме, и с удивлением смотревший на линию скал, которая утопала в дымке облаков, — мы разве не собирались заходить на Сицилию?

По его разумению берег должен был находиться слева. Но глаза не могли обмануть его. А если так, то, быть может, это сделал капитан по тайному приказу Магона, дружбы которого Федор лишился, едва ступив на палубу этой триеры.

— Это и есть Сицилия, — спокойно пояснил капитан, — только северный берег. Магон приказал доставить тебя в Тарент. И я взял курс на него вдоль южного берега, мимо Агригента, но, ты сам видел, в какой шторм мы угодили. Не успели мы дойти даже до Лилибея, как нас начало сносить в сторону и всю ночь мы болтались в Тирренском море. Так что, нужно молить богов, чтобы поблизости не оказалось римлян. Говорят их здесь еще не мало.

Федор немного успокоился насчет своих подозрений, но, поддавшись настроению капитана, пристально оглядел изумрудное море по левому боту. К счастью, Чайка никого не заметил. Ни рядом, ни вдалеке. Лишь дельфины, плывшие за кораблем, то и дело вспарывали поверхность воды, выпрыгивая вверх. Шторм им был нипочем.

— А это что такое? — уточнил Чайка, разглядев далеко в море какую-то темную плоскую линию, очень похожую на вздымавшийся над поверхностью скалистый остров.

— Это крайний из Липарских островов, — пояснил Йехавмилк с полным безразличием, — Мы пройдем мимо.

— Хорошо, — кивнул Чайка, вспомнив о том, что в этом районе действительно часто бывает римский флот, не оставлявший попыток отбить острова, — не стоит слишком приближаться к нему.

Федору совсем не улыбалось угодить в лапы к римлянам, едва выскользнув из рук собственного сената, и даже не достигнув Тарента. Хотелось для начала встретиться с Ганнибалом, все обсудить, а потом увидеть Юлию с ребенком. Или наоборот. Лучше даже наоборот.

Оторвав взгляд от далекого острова, Чайка вновь перевел его на лицо капитана. «Он действительно не знает, что происходит на самом деле или притворяется?» — подумал Федор,

изучая своего бородатого спутника. Пуниец почувствовал на себе взгляд, но истолковал его по-своему, и, обернувшись, произнес.

— Не переживай, Чайка, к вечеру будем в Мессане. Переночуем, а завтра и до Тарента доберемся.

Федор вздрогнул, отвел взгляд от лица капитана и подумал: «Интересно, Ганнибал захватил весь остров или на нем остались еще города, что подчиняются сенату? Наш капитан будет неприятно удивлен, если окажется в руках сторонников Ганнибала и ему придется делать выбор. Впрочем, я ему об этом расскажу не раньше, чем сам окажусь в нужном месте. Я свой выбор сделал. И очень скоро его придется сделать многим».

Определившись с местоположением и решив пока поверить капитану, Чайка немного успокоился. Устав, наконец, предаваться созерцанию морской стихии, он спустился под верхнюю палубу, добрался до своей жесткой койки на корме, отгороженной от помещения гребцов лишь хлипкой перегородкой, и повалился на нее с намерением проспать до вечера. Ведь ночь была ужасной, и выспаться ему так и не удалось. К тому моменту, когда корабль причалит в порту Мессаны, он был намерен хорошенько отдохнуть. Неизвестно какие приключения ждут его на берегу. К счастью капитан, с которым Чайка делил этот тесный кубрик, занимался своими делами на палубе и Федор смог спокойно заснуть. Ему не помешали ни скрип палубных досок, ни топот матросских ног по ним, ни хохот коротающих время отдыха гребцов за перегородкой, привыкших к постоянной усталости и снимавших ее грубой шуткой.

Вскоре его глаза закрылись, а сознание сковал глубокий освежающий сон. Федору приснился Гасдрубал, пробиравшийся со своей армией сквозь нумидийскую пустыню напрямик навстречу своей гибели. словно с высоты птичьего полета Федор увидел огромный людской поток в доспехах, блестевших на солнце. Этот поток змейкой огибал холмы. Слоны и конница поднимали тучи пыли. Вся эта сила двигалась к намеченной цели, но Чайка, словно вновь перенесшийся на место далеких событий, всем существом чувствовал нависшую над этой армией опасность, знал о ней и желал предупредить, но не мог. Тысячи людей из этого потока вскоре должны были погибнуть. Даже во сне Федор понимал, что Гасдрубал не младенец, а воин, способный справиться с любой, пусть и неожиданной опасностью. Но сознание надвигающейся катастрофы все равно не покидало его.

Спал Федор хоть и крепко, но по военному чутко, и когда до его слуха донеслись какие-то крики с палубы, он мгновенно открыл глаза и сел на постели.

— Ничего, — успокоил он сам себя, вспоминая недавний сон, — Гасдрубал справиться. Выберется как-нибудь. Главное, чтобы Летис с Урбалом выжили, а то еще подумают, что я сбежал или предал.

Отгнав эти черные мысли, — он не верил, что друзья сочтут его предателем, — Чайка прислушался к происходившему на палубе. А там явно что-то случилось, и простой разнос капитаном своих матросов никак не мог служить объяснением нараставшему шуму. Когда раздался пронзительный свист и в борт с треском ударило что-то тяжелое, похожее на ядро баллисты, у Чайки исчезли последние сомнения. На корабль напали, предстояла схватка с врагом. Каким врагом, сомнений у него тоже не было.

— Надо глянуть, — решил Федор, перекидывая через плечо ремень от ножен фалькаты, и толкая дверь на палубу с гребцами. Когда он увидел, что те яростно ворочают веслами, — значит, парус уже убран, — то лишний раз убедился, что предстоит сражение.

Сколько Чайка провел времени в забытии, он не знал, но когда выбрался на палубу, солнце уже прошло зенит и клонилось к морским волнам. Корабль за это время должен был пройти значительное расстояние. Вбежав по мокрым ступенькам вверх, он не успел толком оглядеться, как услышал свист нового ядра, приближавшегося с большой скоростью. Федор едва успел отпрыгнуть в сторону и растянуться на палубе, как оно разворотило ограждение борта за его спиной, убив сразу двух пехотинцев.

— Твою маман, — выругался Чайка, быстро вскакивая на ноги и, наконец, осматриваясь. На корабле царила суматоха, впрочем, привычная тем, кто не раз участвовал в морском бою. Баллисты на корме триеры огрызались, выбрасывая в сторону противника свои заряды, а морские пехотинцы под зычные окрики командира выстраивались вдоль левого борта. Назревал абордаж.

Быстро окинув взглядом триеру, на которой готовились к отражению атаки, Чайка рассмотрел позади сразу три римских корабля, один из которых уже почти вплотную приблизился к левому борту. На его носу хищно вздыбился корвус, готовый вот-вот вонзить свое жало в палубу триеры Йехавмилка. А чуть позади абордажного мостика ждала своего часа целая манипула морских пехотинцев, готовых броситься по приказу центуриона в бой.

— Римляне, — усмехнулся Федор, — я так и знал.

Инстинктивно обхватив рукоять фалькаты, он бросил взгляд в противоположную сторону и едва не вскрикнул от радости, — они находились буквально в двух шагах от побережья, на котором виднелся довольно большой город, окруженный крепостной стеной. Это явно была Мессана, промежуточная цель затянувшегося путешествия, которое могло закончиться раньше намеченного и совсем не так, как хотелось. Значит, они уже обогнули мыс и вошли в пролив между Италией и Сицилией. Федор увидел, что к ним уже спешила помощь, — сразу пять триер из берегового охранения вышли на встречу. Но римляне уже почти догнали корабль финикийцев и так увлеклись атакой, что имели все шансы утопить его до тех пор, пока сюда доберутся корабли карфагенян. Хотя после этого они сами вряд ли смогли бы уйти отсюда живьем.

— Командир этих римлян либо любимчик богов, либо безрассудный наглец, — пробормотал Федор, пытаясь высмотреть офицера, который командовал ближним кораблем противника, — раз отважился атаковать нас у самых берегов Сицилии, рискуя всем.

— Появились неожиданно, — выпалил Йехавмилк, останавливаясь рядом с Федором, и указывая нервным жестом куда-то вдаль, — римляне выскочили вон из-за того островка, и сразу бросились в атаку. Ни за чтобы не подумал, что там можно спрятать три корабля.

Федор осмотрел островок, вернее небольшую скалу, торчавшую посреди моря, и кивнул, соглашаясь. За такой скалой действительно можно было укрыть не больше одного корабля, разве что выстроив все корабли борт к борту, в ожидании проходящей мимо добычи. С такой тактикой он встречался впервые. Эта одинокая скала находилась почти напротив порта, очень близко от берега, с которого все просматривалось. И римляне могли незаметно пробраться сюда только в сумерках или ночью, да и то им нужно было набраться дерзости, чтобы сделать это в территориальных водах Мессаны, где было полно карфагенских кораблей. Впрочем, римлян было очень мало, чтобы угрожать самому городу и такая тактика скорее походила для пиратов, чем для профессиональных моряков.

— На то и шука в озере, чтобы карась не дремал, — вполголоса пробормотал Федор себе под нос и усмехнулся.

— О чем ты? — не понял Йехавмилк.

— Да так, — отмахнулся Чайка и, выхватив фалькату, добавил, — придется повоевать, пока подойдет помощь. А не то нас пустят на дно раньше.

— Не успеют, — заявил Йехавмилк, но, едва он это произнес, как раздался страшный треск, триеры столкнулись бортами и на палубу карфагенского корабля обрушился абордажный мостик.

Размахивая короткими мечами, с дикими криками римские legionеры посыпались на палубу, и в мгновение ока рыжие панцири сомкнулись с темно-синими доспехами финикийцев. Впереди всех разил карфагенян римский центурион.

«Хорошо еще, что они нас не протаранили, — пронеслось в мозгу Федора, когда он, подхватив щит одного из убитых морпехов, запрыгал вслед за капитаном корабля через валявшиеся на палубе тела и обломки ограждения к месту схватки, — есть шанс отбиться».

Морпехи карфагенян стояли насмерть, и все же удар римских легионеров был стремительным. Ряды финикийцев прогнулись под мощным натиском. А кроме того Федор не мог не заметить, что их было на корабле почти вдвое меньше чем полагалось. Видимо Магон, отдавая приказание, не рассчитывал, что перевозившая Федора триера по дороге будет ввязываться в морские сражения, а потому отказал ему в полном эскорте. Впрочем, Федор не жаловался. Дали возможность уплыть и ладно. Ведь, уже почти целый день, Магон мог не беспокоить себя мыслями о Чайке, отклонившим его последнее предложение. И теперь за жизнь командира хилиархии на территории, подвластной сенату, не дадут и самой мелкой монеты. Ломаного гроша, как сказали бы в его родном времени.

— Держать строй! — орал командир морпехов в темно-синей амунии.

Стоя на правом фланге своих солдат, он оттолкнул ближнего легионера щитом и, когда тот покачнулся, нанес ему кроткий и точный удар острием клинка в живот. Легионер упал на колени и, прежде чем его затоптали собственные товарищи, подбегавший к месту схватки Федор увидел, как на палубу ручейком пролилась кровь из распоротого живота.

— Руби этих свиней! — раздался еще более громкий крик, перекрывая звон оружия, — Быстрее! Их мало. Мы должны захватить этот корабль одним ударом!

Федор понял его, хотя хозяин зычного голоса кричал по-латыни. Это был центурион, солдаты которого уже оттеснили правый фланг карфагенян от борта вглубь палубы, почти к тому месту, где еще недавно стояла мачта. Нос корабля был уже в руках неприятеля.

— Не спеши! — крикнул ему в ответ Чайка на том же языке, в пылу боя позабыв, что это может вызвать вопросы соплеменников, — сначала попробуй пройти мимо меня!

Он с ходу рубанул фалькатой, но его удар пришелся на верхнюю кромку скутума, лишь погнув ее, а центурион прикрылся щитом и отскочил назад, вперив в своего противника удивленный взгляд. Этот взгляд казалось, говорил: «вот уж не думал, что за карфагенян бьются римляне». Федор уже хотел продолжить выяснение отношений, но тут в дело вмешался Йехавмилк, зарубивший своего легионера и теперь оказавшийся между ними. Он первым бросился на центуриона, серией ударов заставив того отступить обратно к борту. А на долю Чайки пришелся новый легионер, — низкорослый, но коренастый детина в панцире и шлеме с красным плюмажем. Чайка обменялся с ним парой ударов и быстро понял, что противник против него не выстоит. Федор сделал несколько выпадов, одним из которых ранил легионера в бедро, затем отбил его удар отчаяния и следующим своим ударом вонзил клинок в шею, когда римлянин раскрылся. Выронив оружие, легионер схватился за пронзенное горло и, обхватив его руками, рухнул на палубу. Окровавленный шлем откатился по палубе в сторону.

Йехавмилк бился с центурионом метрах в пяти и римлянин, несмотря на грозные крики, отступал. Финикиец был явно сильнее и искуснее в бою. Да и простые морпехи сражались ни чуть не хуже против превосходящих сил римлян. После первых минут схватки у Федора, не раз бывавшего в подобных переделках, вообще сложилось мнение, что их атакуют новобранцы, решившие поискать славы в дерзком, как им казалось, предприятии. Отбивая нападение следующего легионера, и вновь ощутив слабость его выучки, Чайка окончательно пришел к выводу, что тот, кто заварил всю эту кашу, надеялся больше на внезапность и численное превосходство. Видимо, он был безумно рад, увидев одинокую триеру, спешившую к берегу и заранее решил, что она станет легкой добычей. Но просчитался, позабыв о том, что имел дело с финикийскими моряками, не привыкшими сдаваться после первых же признаков опасности.

— Что стало с римскими легионерами, — разочарованно проговорил Чайка, кроша наплечник своего противника, и едва не отрубив римлянину руку, — где brave солдаты Мар-

целла, которые могли соперничать с пехотинцами Атарбала? Неужели это все, на что теперь способен Рим.

Закончив думать вслух, он хладнокровно нанес удар в бок, добивший легионера и, прикрывшись щитом, быстро осмотрелся. Несмотря на численное превосходство, римляне так и не смогли пока захватить корабль. Сражение затянулось, и карфагеняне явно не уступали в нем нападавшим. Однако, бросив взгляд в море, Чайка решил, что все еще висит на волоске. Оказав стойкое сопротивление, финикийцы скосили почти целую манипулу, но их самих осталось в строю немногим более двадцати человек, против сорока римлян. Только сейчас Федор осознал, что обстрел из баллист прекратился, но с левого борта приближался еще один римский корабль, чтобы «пришвартоваться» и закончить сражение. Но ему не дали этого сделать. Перед тем, как римляне бросились в последнюю атаку, Чайка увидел, как сразу две финикийских триеры направились ему наперерез и отсекали от места абордажного боя.

— Помощь близко! — крикнул Федор Йехавмилку, когда тот вновь оказался рядом, вынужденный отступить под натиском римлян, — Надо продержаться еще немного.

— Продержимся! — крикнул ему в ответ широкоплечий капитан, принимая на щит удары сразу двух римских мечей, — вот сейчас разберусь с этими собаками и победа наша.

Он сделал выпал и ранил в плечо одного из противников, но второй задел острием клинка его самого. Финикиец взвыл от боли, но подавив стон, нанес ответный удар такой страшной силы в голову легионера, что погнул его шлем. Выронив оружие оглушенный, а может быть мертвый римлянин исчез среди своих. И лишь тогда капитан финикийской триеры отступил на несколько шагов, стараясь не обращать внимания на струившуюся из пораженного плеча кровь. Федор прикрыв его своим щитом и бился с нападавшими легионерами до тех пор, пока не услышал страшный треск со стороны римского корабля. Отделавшись от своего противника, которого он сбросил за борт ударом ноги, Чайка увидел, что подоспевший финикийский корабль на полном ходу зацепил длинным металлическим крюком римскую триеру и стал оттащить ее от борта корабля Йехавмилка. Эта «жесткая сцепка» уже давно применялась финикийцами для борьбы с абордажными мостиками римлян. Расстояние между бортами начало расти на глазах, оба корабля слегка накренились, и вот раздался новый треск, — это отвалился и рухнул в воду, разломившись пополам длинный корвус. Лишь его передняя часть с металлическим крюком, впивший в палубу, все еще торчала из нее.

Изумленные римляне, видя, как их собственный корабль уплывает, даже прекратили на мгновение биться. Чем и воспользоваться Федор, заменивший убитого командира морпехов.

— За мной, солдаты! — заорал он и повел оставшихся в бой.

Карфагеняне буквально смели римлян со своего корабля. Большинство легионеров было зарублено и заколото, а пятерых, особенно упорных, сбросили в море.

— Сначала научись плавать, — рывкнул Федор, отправляя в полет ударом щита последнего, впрочем, смертельно раненного им же в живот, — а потом попытайся вновь напасть на нас, если сможешь.

Два оставшихся римских корабля, поняв, что своим уже не помочь, попытались уйти в море, но были настигнуты. Один финикийцы протаранили, пустив на дно. А второй удалось захватить после короткого боя. Совершив стремительный «проплыв», в результате которого у римлян были сломаны все весла по левому борту, карфагеняне взяли его на абордаж. Римляне не смогли долго сопротивляться превосходящим силам.

Вскоре к триере Йехавмилка, которого перевязывал под присмотром Федора один из бойцов, местный лекарь, подошла другая финикийская триера. На палубу поднялся ее капитан, — смуглолицый низкорослый воин в богатых доспехах и шлеме с плюмажем из белых перьев.

— Меня зовут Могадор, — представился прибывший офицер, и добавил, оглядев мертвые тела и разрушения на палубе, — едва заметив римлян, мы сразу поспешили на помощь, но, похоже, немного опоздали.

— Вы вовремя, — кивнул вместо приветствия Федор, — могло быть и хуже.

Спустя час корабль Йехавмилка подошел к пристани Мессаны в сопровождении эскадры берегового охранения. Это был еще не конец путешествия, но Федор после ночного шторма и кровавой схватки был не прочь отдохнуть на берегу, ощутив под ногами твердую землю, а не вечно качавшуюся палубу. «Самое главное, что этим берегом владеют воины Ганнибала, — решил Федор, по нескольким выражениям командира спасшей их эскадры догадавшийся, кому именно тот служит, — а смерти или римского плена я в очередной раз смог избежать. Значит, у богов для меня еще есть работа».

— Вы можете оставить корабль здесь, а сами расположиться вон в том доме на скале, — сообщил Могадор, вновь поднявшийся в сопровождении десятка солдат на борт к Йехавмилку, когда они уже стояли в гавани, — отдохнете там отлично, я обо всем позабочусь. Кстати, что доложить коменданту порта? Куда вы направляетесь дальше?

— Сенатор Магон приказал мне доставить этого человека в Тарент как можно скорее, — ответил раненый капитан, придерживая перевязанную руку, — но, после сегодняшней схватки с римлянами мы с удовольствием переночуем здесь. А в море вновь выйдем на рассвете. Тут уже не далеко.

Услышав имя Магона Великого капитан эскадры насторожился. По его лицу пробежала тень, и от Федора не укрылся быстрый взгляд, брошенный им своему помощнику, возглавлявшему солдат.

Впрочем, Йехавмилк этого не заметил. Он был ранен и устал, помышляя лишь об отдыхе. И Чайке уже понявшему, как будут дальше развиваться события, даже стало жать этого простодушного вояку, в темную использованного Магоном.

— И как часто в последнее время здешних водах появляются римляне? — уточнил Йехавмилк, скользнув взглядом по вечерней глади моря и даже отвернувшись от Могадора, солдаты которого уже перекрыли все подступы к трапу.

— Вы служите сенатору Магону? — уточнил Могадор.

Тон его голоса мгновенно сделался из дружественного ледяным. Это произошло так неожиданно, что перемены настроения не смог не заметить даже Йехавмилк. Он обернулся к собеседнику и только теперь обратил внимание солдат, выстроившихся вдоль борта.

— Да, — подтвердил капитан триеры, нахмурившись, все еще не понимая, к чему клонит Могадор, — я служу сенату Карфагена, а вы разве служите кому-то другому?

— Я служу Ганнибалу, — отрезал Могадор, переводя взгляд на Федора.

— Я тоже служу Ганнибалу, — Федор сделал успокаивающий жест в сторону командира эскадры, чтобы тот не натворил глупостей, — просто наш капитан не в курсе последних событий.

— Да, что вы мне тут плетете, — не выдержал Йехавмилк, — Ганнибал сам служит сенату...

— Ганнибал больше никому не служит! — оборвал его Могадор, — даже сенату.

Измученный Йехавмилк перевел взгляд на Федора, словно ища поддержки. Но Чайка лишь, разяснил ему все, что тот должен был скоро узнать сам.

— Мне жаль тебе говорить об этом именно сейчас, — громко произнес Федор, чтобы у Могадора и всех морпехов, слушавших его слова не осталось сомнений, на чьей он стороне, — но, другого случая не будет. Ганнибал больше не служит сенату. Он сам теперь управляет всеми землями в Испании, Италии и здесь, на Сицилии. Очень скоро все воины и жители Карфагена должны будут сделать выбор, за кого они готовы воевать. За сенат или за Ганнибала. Я свой выбор сделал, теперь дело за тобой.

— Да он просто мятежник, ваш Ганнибал, — буркнул Йехавмилк, распрямляя плечи, и делая жест командиру своих морпехов приблизиться, — что он о себе возомнил! Мы все подчиняемся сенату.

Могадор словно только и ждал этого.

— Арестовать капитана и всех, кто окажет сопротивление! — приказал он.

Солдаты Могадора немедленно связали Йехавмилка и немногих бойцов, попытавшихся не подчиниться. Впрочем таких нашлось всего пятеро, да и те были усталыми или израненными. Почти все остальные были убиты.

Когда их проводили мимо, многие морпехи смотрели на Федора, как на предателя. Еще недавно он вместе с ними бился против римлян, плечом к плечу, а вот теперь вдруг стал врагом.

— Не казните их, а лучше предоставьте еще раз право выбрать свою судьбу, — переходя на приказной тон, проговорил Федор, — сделайте это завтра утром, когда они немного отдохнут и придут в себя.

Теперь настала очередь Могадора удивляться. От такой наглости из уст полупленника, чья судьба еще висела на волоске, его брови поползли вверх.

— Я Федор Чайка, — наконец, представился тот, — командир двадцатой хилиархии и экспедиционного корпуса, посланного Ганнибалом в Испанию. Сейчас я возвращаюсь в Италию. И мне действительно нужно очень быстро попасть в Тарент. Ганнибал ждет меня.

— Я слышал о Вас, — кивнул Могадор, — но, никогда не видел. Вы проследуете со мной к коменданту города. И если вы действительно тот, за кого себя выдаете, то вы немедленно получите все, что пожелаете. Но, если нет...

— Идем, — оборвал его Федор, быстро входя в роль высокопоставленного командира, — Я спешу. Мы зря теряем время на ненужные разговоры.

Глава вторая

«Рассвет»

Ночью командир экспедиционного корпуса и по совместительству адмирал скифского флота выспаться так не смог. По донесениям разведчиков и доброго десятка перебежчиков из местных племен, раньше подчинявшихся Палоксаю, было ясно, что не за горами большое сражение с греками. Скифы, разбив гоплитов Аргоса и оставив за спиной Тернул, заняли и вполне сносно контролировали все побережье Истра вплоть до того места, где великая река растекалась на несколько полноводных рукавов, образуя обширную дельту. Но вот дальше, в этой самой дельте, их ждали греки. И на берегу и на кораблях. Общая численность была не ясна, но Ларин уже знал, что Истр, Томи и даже наиболее отдаленный от этой точки Одесс, прислали часть своих кораблей сюда, для того чтобы не допустить отвоевания дельты скифами. Ведь в случае победы, ничто не сможет помешать разделенной сейчас на две части флотилии Ларина получать помощь из Тиры и Крыма, а также своевременно снабжать всем необходимым разбросанные по реке крепости и города, — опорные пункты скифов, позволявших им контролировать недавно завоеванные территории.

— Греков собралось не мало, — заявил Ларин, в задумчивости рассматривая карту дельты и среднего течения Истра, составленную умельцами из тех же пленных греков, — по моим данным не меньше десятка кораблей сторожат меня в каждом из крупных русел, и, наверняка, есть биремы в мелких протоках.

Он откусил сочный кусок мяса от бараньей ножки, которую держал в левой руке и посмотрел на Аргима. Предводитель конного воинства, — «первой конной», как в шутку называл его Леха, — усеявшего сейчас берега реки и разбитого на несколько корпусов, сидел напротив Ларина. Расположившись у тлевших углей очага, скиф поглощал сочное мясо и вино, недавно поданное им в шатер слугами.

— Мои воины уже давно ждут приказа атаковать, — ответил Аргим, вытирая сальные руки о штаны и стряхивая крошки с бороды, — И мне все равно, сколько греков прячется в здешних лесах.

«А мне нет, — подумал Леха, отпив вина из раззолоченной чаши, — их тут по первым прикидкам почти вдвое больше, чем нас. От Иллуря помощи сейчас не допросишься, он гетов добывает, а из Тиры корабли долго ждать, да и не пробиться им будет. Так что придется самим как-нибудь себе путь расчищать. И надо тут как-то хитростью, а не лихим кавалерийским наскоком. Хотя и он пригодится. Без конницы, — ни куда. Мы, скифы, прежде всего всадники и уж потом, все остальное».

— Ты не горячись, Аргим, — попытался успокоить своего собеседника Ларин, предаваясь размышлениям и продолжая разглядывать карту, — недолго тебе ждать осталось. До врага рукой подать. Но сил у нас на всех сразу не хватит, поэтому важно не ошибиться с направлением главного удара. Надо разбить их поодиночке.

Закончив эту тираду, Леха сам удивился, каким вдруг стал рассудительным. Раньше он, не раздумывая, ввязался бы в бой, а потом наблюдал за развитием событий. Теперь же, от него требовалось не просто шашкой махать и в атаку ходить, а ходить так, чтобы добиться результата. Задача царем была поставлена ясная, — освободить выход к морю. А между отрядами скифов и морем находилось множество греков, запиравших всю дельту. Конечно, можно было попытаться совершить обходной маневр по дальнему берегу, но освободить один берег было мало, нужно было очистить от греков все русла и протоки. А без атаки флота тут было не обойтись. Греки же никогда дураками не были, и теперь, Ларин готов был голову отдать на отсечение, подготовили ему немало сюрпризов.

Аргим угрюмо замолчал. По лицу скифа, облаченного в чешуйчатый панцирь, было видно, что он уже давно скакал бы на коне в ночь. Не любил он долгих разговоров. Надо сказать и Ларину уже надоело изображать из себя великого полководца, пытаясь разгадать замысел греков. Да и вряд ли он был слишком коварным. Ясно было, что, прежде всего они готовилось отразить нападение флота по двум главным руслам и держаться до тех пор, пока не подойдут подкрепления фиванцев по суше.

Сейчас армия Фив обосновалась лагерем где-то между Аполлонией и Одессом. Ларин с большим удовольствием нанес бы удар именно по этому городу, в котором прятался старейшина Иседон. Но дожидаться того момента, когда к и без того сильному военно-морскому соединению греков подойдет армия еще одного полиса Ларин не хотел.

Терзали его ничем не подтвержденные, но тревожные, сообщения о том, что афинский флот уже покинул гавани и направляется в этот район. Эти сообщения Ларин слышал еще со времен битвы с аргосцами, и казались они ему не более достоверными, чем сообщения о прибытии спартанцев, о которых никто не мог точно сказать, покинули они территорию Лакедемона или все еще размышляют, нужна ли им эта война. Но, радости не добавляли. Воевать один на один со всей Элладой Ларин не очень хотел, но, надо сказать, и не боялся. Когда он понял, что врагов уже больше, чем его солдат, страх уступил место наглости. Какая разница насколько больше врагов вдвое или в десять раз, все равно другого выхода не было, — царь приказал побеждать. А Иллур не любил послушания.

Проведя пальцем по кожаной карте вдоль левого русла, Ларин разглядел протоку, что в среднем течении, не доходя до моря, отворачивала вправо и выводила прямоком в глубокий залив, на другом конце которого стояла греческая фактория под названием Истр. Ближний к дельте город, который требовалось взять. Протока казалась слишком прямой для природного творения. Леха припомнил, что перебежчик рассказывал о том, будто бы это был канал, прорытый специально для скорейшего сообщения с факторией. Этим путем постоянно пользовались сами греческие купцы, поднимавшиеся по реке, и все, кто плыл торговать с ними.

— Надо бы пробиться сюда, — подумал вслух Ларин, — так мы и к морю быстрее выйдем, и к городу приступим. А как только пойдем на штурм, и весть распространится, что мы уже в тылу у них порядок наводим, тех, кто в дельте еще останется, как ветром сдует. Во всяком случае, добить их будет легче. Не выстоят греки против нас тогда, это точно.

Аргим придвинулся к кожаному свитку, придавленному с двух сторон акинаком и ножами, внимательно посмотрел на указанное пальцем Ларина место. Кивнул, расплывшись в улыбке.

— Дело говоришь, Ал-лэк-сей, — Аргим встал, — приказывай.

Ларин тоже встал в радостном возбуждении. От принятого решения у него словно гора свалилась с плеч, а предстоящая схватка казалась уже выигранной.

— Возьмешь достаточно воинов и сам с ними ударишь вдоль русла к этой протоке, — приказал Леха, — ты должен раньше меня оказаться там и держать вход в протоку свободным. Еще тысячу воинов пошлешь вдоль второго русла, чтобы навести шороху там и запутать греков. До середины дня они должны думать, что мы наступаем по всему фронту. Я одновременно ударю со своими кораблями по воде к протоке, а часть также отправлю другим путем для отвода глаз. Если пробьются хорошо, если нет, тоже не страшно. Главное, чтобы греки увязли в бою и не обошли нас.

— Все понял, — Аргим уже направился к выходу из шатра, — сейчас же отправлю людей.

— Обожди, — остановил его Ларин, поправив кожаный пояс, — на случай, если вдруг греки нам в тыл вознамерятся прорваться или разгадают наш удар, оставь здесь в лагере еще людей. А остальных отведи назад по реке пусть в засаде сидят. Их дело ждать приказа наступать на Истр с севера, чтобы нам легче на юге воевалось.

Аргим молча кивнул, растворившись в предрассветной мгле. Приняв решение, Ларин свернул карту и, спрятав ее в специальный тубус из толстой кожи, повесил на плечо наподобие планшетки командиров будущего. В пути он еще не раз собирался взглянуть на нее. А затем, выпив залпом чашу красного вина, перекинул через другое плечо ножны акинака, и вышел вслед за скифом из шатра. Внутри было жарковато и Лехе захотелось пройтись. Кроме того, нужно было отдать приказ о наступлении капитанам и Ларин решил сделать это лично, не вызывая всех к себе. Несмотря на теплую осень, ночи уже бывали прохладные, особенно у воды, и Ларин приказал в этот раз разжечь угли в командирском шатре, о чем уже не раз пожалел.

Шатер стоял на высоком холме, с которого днем открывался хороший обзор на излучину реки, выбранную для стоянки скифского флота. Ночью все укрывала вязка мгла, а костров Ларин приказал не разводить у самой воды. Однако, близился рассвет, и кое-что можно было рассмотреть уже сейчас.

Миновав охрану из дюжины рослых скифов, которых возглавлял Инисмей, Леха остановился на мгновение, желая осмотреться. Уперев руки в бока, адмирал вздохнул полной грудью напоенный ароматами леса воздух и прислушался к звукам. Он услышал лишь крики ночных птиц и шум налетавшего ветерка. Огромный лагерь скифской конницы и моряков каким-то чудом умудрялся сохранять почти полную тишину. Лишь изредка сюда долетало ржание коней или приглушенный шум разговоров. За те несколько минут, что адмирал провел в созерцании берега, шум из лагеря конной армии стал доноситься сильнее, — похоже, Аргим уже отдал свои приказы.

Леха скользнул взглядом по видневшимся на фоне розовеющего неба силуэтам кораблей. Большинство были триерами, но и парочка квинкерем имела. На одной из них Ларин устроил свой плавучий штаб, сделав ее флагманом, а капитаном по привычке назначив Токсара, давно ставшего его правой рукой. Больших кораблей было пятнадцать, не считая еще флотилии бирем, кортавшей ночь за мысом.

— Я пройдусь вдоль берега, — заявил Леха, появившейся сбоку тени, — возьми человек пять. Пойдете со мной.

Тень молча кивнула.

— И еще, Инисмей, — добавил Ларин, которому в голову пришла новая идея, — пошли кого-нибудь разыскать мне Каранадиса. Пусть придет к шатру и здесь дожидается. Мы скоро вернемся.

— Будет сделано, — звенящим шепотом подтвердил сотник, уже оправившийся от раны, полученной за время долгого плавания по реке.

Инисмей немедленно отрядил одного из воинов разыскать ленивого грека. Когда его не использовали для боевых действий, Каранадис любил коротать время за кувшином вина и в компании молодых пастушек, предаваясь плотским утехам при любой возможности. И чем страшнее была битва, которую он видел, тем сильнее Каранадис пил, стараясь заглушить переживания. Смелым парнем Леха его не мог назвать никак, но никто из бойцов не додумался до того, чтобы соорудить столько взрывчатых веществ. А осада крепости в верховьях Истра, где впервые был применен их «совместный проект», Ларину запомнилась надолго. Такого ужаса даже выдавшие виды греки не испытывали.

И сейчас Каранадис, вероятно, смотрел десятый хмельной сон, но Ларина это не волновало. Адмирал начинал наступление и желал поговорить со своим военным советником. Хотел обсудить новую идею, как использовать прототип еще не доведенной до ума «ракетной установки» в морском бою.

Когда Ларин в сопровождении охранников прошел мимо нескольких упрятанных в землю костров, окруженных тихо балагурившими моряками и морпехами, вдоль берега на север проскакал большой отряд конницы. Скифы спешили достичь ближайшей переправы,

которую по приказу Ларина навели плотники, соединив через несколько островов два берега реки наплавным мостом, основанием для которого послужили биремы. Берег напротив моста и километров на десять в глубину с другой стороны тоже контролировался людьми Аргима. Второе широкое русло отходило в сторону позади лагеря, там тоже «дежурили» скифские всадники и стояло несколько судов.

Но вот дальше, между ними, начинались обширные земли, изрезанные протоками, где давно были замечены греческие разьезды и лодки с наблюдателями, пытавшимися подобраться поближе к лагерю. Большие корабли неприятеля Ларин рассчитывал встретить не раньше, чем через несколько часов плавания по ближнему широкому руслу. Греки не спешили нападать на лагерь, предпочитая сконцентрировать силы для обороны. Здесь скифская конница далеко не всегда могла действовать широким фронтом, на что, вероятно, и был расчет.

Не успел Ларин приблизиться к своему флагману, преодолев несколько патрулей, как увидел тень охранника, метнувшуюся по сходням на корабль, и услышал сдавленный шепот «Ал-лек-сей идет!». Когда он сам поднялся на борт квинкеремы, что была пришвартована к наскоро построенному пирсу, — все-таки армия Ларина стояла здесь уже вторую неделю, — ему на встречу выбежал Токсар в полном вооружении, словно только и ждал появления своего господина.

— Ну, как прошла ночь? — поприветствовал его Ларин, и не дожидаясь ответа направился к другому борту, чтобы взглянуть с его высоты на реку, которая уже начала проявляться в лучах быстро поднимавшегося солнца.

— Все тихо, — доложил Токсар, — разведчиков не было. Шума никто не поднимал. Гребцы и команда отдыхают.

— Это хорошо, — кивнул Ларин, вглядываясь в расплывчатый силуэт моста по которому в отдалении глухо стучали копыта конницы, переправлявшейся на другой берег, и повторил, — это хорошо. Шум нам раньше времени ни к чему.

Инисмей и охранники застыли позади в нескольких шагах.

— Корабль в порядке? — на всякий случай поинтересовался Леха, отходя от борта и медленно направляясь к носу, где виднелись две хищного вида баллисты.

— В полном, — отрапортовал Токсар, едва не вытянувшись по струнке, — весла починили, изготовили новые взамен сломанных. Мачты на месте. Баллисты и катапульты работают исправно. Ядер хватает. Воины хотят драться. Мы готовы отплыть хоть сейчас.

— Вот и отдай приказ к отплытию, — порадовал его Ларин, — как рассветет, выдвигаемся. Сегодня начнем новое дело.

— Наступаем? — радостно уточнил Токсар, и добавил, тряхнув бородой, — Пора пустить кровь этим хитроумным грекам, а то мы здесь уже устали от безделья.

— Пора, — не стал спорить Леха, — только прикажи убрать вон те баллисты с носа.

— Зачем? — не поверил своим ушам командир корабля, — как же мы тогда будем обстреливать греков? Ведь нас ждет впереди целый флот.

— Есть у меня одна мысль, — туманно намекнул Ларин, не став пока раскрывать все Токсару, — на их места поставим другое орудие. Покрупнее. Так что пока расчисти место, а я к тому времени вернусь на борт. Надо поговорить кое с кем и другие корабли навестить.

Оставив Токсара в некотором недоумении, адмирал проследовал к ближайшей триере. Встретившись с ее капитаном на берегу у самого борта, — в ожидании дальнейшего плавания корабль был вытасен на берег, — Леха объявил о начале наступления и велел сообщить о нем остальным.

— Выступаем, как рассветет, — сказал он рослому скифу, представшему перед ним в сопровождении гортатора, — проверить все орудия. Морским пехотинцам быть готовыми к бою. Греков впереди много и просто так они нас не пропустят. Драка будет жестокая.

— Мы готовы, — обрадовался не меньше Токсара командир триеры, и оглянулся на своих пехотинцев, ночевавших прямо на берегу под открытым небом, — давно ждем.

Крепкие бойцы в чешуйчатых панцирях с мечами и топорами на боках, которых разбудил шум столь ранних переговоров, поднимались с земли, осторожно поглядывая в сторону адмирала и его свиты.

«Да уж, — мысленно согласился с ним Ларин, скользнув взглядом по рослым воинам, и словно оправдывая свое длительное бездействие, — мне самому тут не очень нравится сидеть, но, что поделать, раньше было нельзя».

— Время пришло, — громко и назидательно заметил адмирал вслух, направляясь дальше, — как только отплывет мой корабль, двигайтесь за нами следом.

Перед тем как вернуться к себе в шатер, Ларин дошел до следующего корабля, так же обсыхавшего на берегу. Рядом с ним были вытаснены на берег еще четыре триеры. Вокруг вповалку спали пехотинцы и виднелось несколько палаток.

— Позови капитана, — приказал Леха, останавливаясь у первого корабля, в двух шагах от охранника, преградившего вход в палатку. Сам он не пожелал влезать в это узкое сооружение, в несколько раз меньшее, чем его шатер на холме. Хотя и мог.

Вместо этого он остановился рядом с палаткой, осматривая боевое соединение триер, которое собирался послать на отвлекающий маневр по другому руслу. Здесь были собраны корабли из эскадры Тернула, слишком хорошо известного Ларину. Много было связано с этим городом, и большинство из этих событий Леха не особенно хотел вспоминать. Чего стоила только смерть Гнура, — тела никто не видел, но Ларин уже почти не сомневался в его смерти, — и предательство Иседона, обитавшего тогда в замке неподалеку. Леха поймал себя на мысли, что к морякам из эскадры Тернула он поневоле относился более спокойно, чем к остальным, хотя они были в этом невиноваты.

«Надо же кого-то послать в этот рейд, — оправдывал себя Ларин, когда его взору предстал широкоплечий скиф с орлиным носом, спавший не снимая доспехов, — и для дела лучше, если это будет сплоченное в боях соединение. Да не из самых последних. А эта эскадра как раз из таких».

Отгнав мысли о том, что кораблям из Тернула придется атаковать значительно превосходящие силы греков, в результате чего многие из них не вернуться назад, Ларин успокоил себя тем, что остальным тоже придется не сладко. На войне, как на войне.

— Здравствуй, Арсак, — приветствовал адмирал одного из своих лучших боевых командиров, — пройдемся. Я хочу кое-что тебе сообщить.

Жестом остановив двинувшихся за ними охранников Инисмея, Ларин отвел капитана к самому берегу, где шумели воды реки и, остановившись у большого валуна, сказал.

— Мы начинаем наступление на греков. Немедленно.

— Боги слышали мои молитвы, — воздел руки к небу Арсак, длинную бороду которого развевал ветер.

«Как все тут устали ждать, — усмехнулся в душе Ларин, — но, это к лучшему».

— Но, воевать мы будем с тобой в разных водах, — объявил Ларин, — я с основной частью кораблей отплываю по этому руслу и нападку на греков ниже по течению. Ты же возьмешь всю эскадру из Тернула и отправишься в другое русло, где сделаешь то же самое.

Бывалый капитан все понял с полуслова и слегка нахмурился, но ничего не сказал.

— Ты должен атаковать греков, сколько бы их тебе не встретилось, и воевать так, что бы они думали лишь о бегстве и спасении.

Арсак обернулся, посмотрел на свои пять кораблей, слегка усмехнулся и проговорил, словно отливая каждое слово из бронзы.

— Они пожалеют о том, что родились, когда повстречаются со мной, — пообещал скиф.

— Не сомневаюсь, — подтвердил адмирал, слегка качнув головой и прищурившись от первых лучей солнца, упавших на его лицо.

— Я буду держаться до тех пор, пока у меня останется хотя бы один корабль, — добавил Арсак.

— Возьмете еще дюжину бирем, в бою пригодятся, — добавил Ларин, — они повезут пеших солдат, которые должны захватить берега и наступать по ним вместе с конницей Аргима, которая уже на пути туда.

Услышав о том, что предстоит совместное с наступление конницей, Арсак повеселел. Его шансы вернуться живым мгновенно выросли в глазах самого капитана. Теперь скифа еще меньше волновало, сколько греков ему повстречается.

— Отправляйся немедленно, — приказал Ларин, заканчивая разговор, — и не забывай слать мне гонцов с сообщениями о том, как продвигаются дела. Особенно, когда пробьешься к морю.

Капитан усмехнулся во весь рот, оценив шутку, и Ларин заметил, что у него не хватает двух верхних зубов, выбитых в какой-то схватке, да и вся верхняя губа с правой стороны лица была немного обезображена ударом рукояти меча. Впрочем, самого Арсака это уже давно не беспокоило, словно таким и родился.

Расставшись с капитаном эскадры из Тернула, Леха окинул взглядом на глазах оживавшее побережье, — сотни солдат умывшись в водах реки, уже закончили трапезу, свернули немногочисленные палатки, и под окрики своих командиров, поднимались на корабли, бряцая оружием.

— Ну, пора и нам, на корабль, — произнес он, вновь прищурившись на солнце, осветившем прибрежный лес и заставившем сверкать речку, — только сначала ненадолго вернемся к шатру.

И в сопровождении охранников, он пробрался сквозь проснувшийся лагерь к своему походному жилищу. Первое что он увидел, поднявшись на холм, — жалкую фигуру грека, который сидел на камне в десяти метрах от шатра, всем видом изображая страдание. Приблизившись и рассмотрев его опухшее от безудержного пьянства лицо, Леха решил, что тот и в самом деле страдал. Еще бы, разбудили не дав оклематься после очередного возлияния.

— Что случилось, хозяин? — жалобным голосом спросил Каранадис, когда Леха приблизился к своему шатру, — что за шум стоит в лагере в такую рань? Мы куда-то отправляемся? Так ведь было хорошо до сих пор.

— Если ты забыл, ничтожный грек, то вокруг идет война, — напомнил Леха, жестом приказывая ему следовать за собой, но вдруг резко останавливаясь у входа в шатер, — и мы как раз отправляемся на очередную встречу с твоими соплеменниками. Ты мне нужен на этой войне. И если ты еще раз напьешься до беспамятства, то я лично прикажу Инисмею содрать с тебя кожу. Живьем. Понял?

Каранадис, трусивший вслед за Лариным, остановился как вкопанный и смерил недоверчивым взглядом сотника, словно не мог представить, что этот давно знакомый ему воин осмелится выполнить приказ своего хозяина. Но вид грозного, заросшего бородой скифа, сверкавшего из-под шлема и кустистых бровей злыми холодными глазами, быстро привел его в чувство. Каранадис посмотрел на его жилистые руки, одна из которых сжимала рукоять меча, и Леха тут же прочел в его глазах клятву бросить пить. Если не навсегда, то уж точно до тех пор, пока Инисмей будет находиться поблизости.

Оказавшись в душном шатре, Ларин опустил на ковер и, взяв с подноса чашу с вином, первым делом выпил его на глазах у изумленного грека, не предложив тому даже сесть. Долго разговаривать Леха не собирался, а урок преподавать следовало. Впереди намечалось немало сражений с участием техники и боеприпасов, изготовленных руками этого изможденного гения, и нужно было позаботиться, чтобы тот был всегда в форме. Гении, как известно, бояться физи-

ческого воздействия. Но об этом, обратив внимание на Инисмея, Леха уже позаботился. Осталось только дать понять расслабившемуся оружейнику, что адмирал не всегда будет позволять ему делать все, что угодно, даже несмотря на его явную ценность. И Ларин уже обдумывал, какое бы еще внушение сделать, но, взглянув на Каранадису, решил остановиться на этом. Тот и так был ни жив, ни мертв от страха.

«Ладно, хватит с него, — решил Ларин, смягчаясь, — Еще формулы свои от страха позабудет, чем я потом буду стены да ворота взрывать».

— Ракеты готовы? — перешел к делу адмирал.

— Давно уже, — не повел и ухом грек, услышав это название, зато мгновенно протрезвел, — как вы приказывали, пять штук. Лежат в ящиках на дальнем конце лагеря, под охраной бойцов Уркуна

Ларин уже не раз обсуждал с греческим оружейником конструкцию нового метательного приспособления, а для краткости назвал эти далеко не совершенные прототипы, что использовались вместо начиненных горючей смесью горшков, ракетами. Каранадис спорить не стал. Ракеты, так ракеты. Не он ведь их изобрел.

— Только мы же их ни разу не испытывали с того самого дня, как уплыли из крепости после битвы с аргосцами, — на всякий случай добавил грек.

— Придется рискнуть, — заявил Ларин, отправляя в рот засахаренные фрукты с подноса, — скажешь Уркуну, чтобы перетасили все на мой корабль, вместе с установкой. Я для них уже присмотрел местечко.

— Вы собираетесь стрелять ими прямо с корабля? — изумился Каранадис, даже сделав пару шагов вперед, — но, ведь он же деревянный. И если один из этих снарядов взорвется... а если все...

— Придется рискнуть, — повторил Ларин, поднимаясь и направляясь к выходу.

Поравнявшись с ословевшим оружейником, он хлопнул его по плечу.

— Не дрейфь, Каранадис! Греческих кораблей впереди много. Да на берегу солдат будет достаточно, укрепления всякие. А борт у нас самый высокий, как ни крути. Так что, придется рискнуть. Иди, готовь свою установку. А я пойду гляну, как там катапульта Архимеда. Тоже с собой прихватим. Пригодится.

Глава третья «По дороге в Тарент»

К счастью выяснение личности Федора заняло чуть больше времени, чем прогулка до здания, где располагался комендант Мессаны. Он оказался одним из тех офицеров африканской пехоты Атарбала, с которыми Чайка новобранцем начинал эту итальянскую кампанию и прекрасно знал Федора. Поэтому вопрос решился быстро.

Федору предоставили корабль, да еще какой, — целую квинкерему, которая должна была отправиться буквально на следующий день по делам службы в Тарент и готова была взять его на борт. Конечно, это был не «Агригент» вместе со своим капитаном Бибрактом оставшийся в распоряжении Гасдрубала, но тоже неплохой корабль. Командовать квинкеремой к его удивлению был назначен новый знакомый Федора Могадор, которого он еще раз, перед тем как отойти ко сну, попросил смягчить наказание для Йехавмилка. Может быть, тот передумает. В противном случае капитана ждала казнь или жизнь раба на каменоломнях.

Сделав все, что было возможно, для тех с кем ему пришлось сражаться вместе, пусть и не долго, Чайка устроился на ночлег в отведенном ему домике на побережье. Усталость взяла свое.

Отплыв с рассветом, вскоре они миновали Регий, и взяли курс на Тарент вдоль побережья «подошвы башмака». Со своего места на корме квинкеремы Чайка разглядывал проплывавший в отдалении порт и сновавшие вдоль побережья военные корабли, с которыми их судно уже обменялось необходимыми сигналами. Здесь в Регии, стояла довольно большая эскадра карфагенского флота, призванная вместе с кораблями из Массалии запираť пролив между Италией и Сицилией.

— Ни один римский корабль здесь не проскочит! — самодовольно заявил Могадор, с которым ему выпало плыть дальше, — а если и проскочит, то попадет в лапы к грекам и ему все равно конец. Ферон ненавидит римлян.

Чайка кивнул, переводя взгляд с левого борта на правый, за которым плескалось безбрежное море, лишь за кормой корабля ограниченное сицилийскими берегами. Там в легкой дымке, невидимые отсюда, прятались Сиракузы, — с недавних пор гроза римлян и союзник Карфагена.

Если он не ослышался, то флотом по-прежнему управлял Ферон, а сухопутными силами, да и вообще всю остальную власть в греческой колонии прибрал к рукам Гиппократ, старый знакомый Чайки.

Как вчера удалось узнать Федору, после того как Ганнибал объявил себя независимым правителем Испании, Италии и большей части Сицилии, сиракузяне по-прежнему оставались верны ему и пообещали изгнать войска сената, если они попробуют высадиться здесь. Это было большим дипломатическим успехом нового... — Федор даже точно не знал, как теперь называть своего благодетеля, — монархом, царем или просто тираном, как было принято именовать единоличных правителей у греков. В любом случае, поддержи Сиракузы «законную власть» Карфагена, Ганнибалу пришлось бы не легко. такой поворот грозил новой войной на Сицилии, которых карфагеняне за свою долгую историю провели здесь уже не мало. Но пока, как он понял из слов Могадора, на благодатном острове в целом все было спокойно.

«Это ненадолго, — подумал Федор, невесело усмехнувшись, — очень скоро здесь появится какая-нибудь армия сената и начнется мясорубка. В этом Магону можно верить. Несмотря на то, что до недавнего времени армией сената были мы сами, вряд ли Магон решил просто взять меня на испуг. Значит, еще одна готовая к бою армия есть и Гасдрубалу в Африке придется нелегко. А здесь, на Сицилии, плацдарм у них, не смотря на усилия Ганнибала, тоже все еще есть».

— Лилибей остался верным сенату? — на всякий случай уточнил Чайка, вспоминая вчерашний разговор с комендантом.

— Да, — подтвердил Могадор, — Лилибей, Мазара и Селинунт все еще в руках сената. Но, я уверен Ганнибал вскоре прикажет предпринять еще одно нападение на эти отдаленные земли и они тоже станут нашими.

Федор, молча, кинул. Даже одного из этих портов было достаточно, чтобы высадить армию, посланную сенатом на подавление государственного мятежа. А никак иначе Магоном и остальными сенаторами действия бывшего главнокомандующего силами республики не квалифицировались. Ведь на подвластных Баркидам землях этой самой республики больше не существовало. Правда, и Лилибей, и Мазара и Селинунт находились на западном побережье. Далековато от Сиракуз, пролива и самой Италии. Так что вполне возможно, лишенный выбора сенат начнет действовать не менее дерзко, чем бывший главнокомандующий, и высадка армии все же произойдет где-то в этих землях. А, быть может, и в самой Италии. Рим обескровлен, но еще не уничтожен. И еще может вмешаться в ситуацию. Тем более теперь, когда расклад сил резко поменялся. И Ганнибал в любой момент мог получить войну на два, а то и три, если вспомнить про греков, фронта.

«Впрочем, — подумал Федор, — ему не привыкать. Как-нибудь разберемся. Это все будет скоро, но не сейчас. Прежде доберусь до Тарента, обниму Юлию, а потом и поговорим с Ганнибалом о том, что дальше делать. Мне ведь теперь, как и ему, деваться больше некуда».

— Что с Арвадом? — уточнил Чайка, позабывший вчера выяснить подробности судьбы плененного главнокомандующего сицилийских сил, верного сенату.

— Еще несколько дней назад он сидел в тюрьме в Сиракузах, — охотно сообщил Могадор, — но кто-то попытался устроить ему побег. Не удалось. И Ганнибал приказал казнить его. Позавчера он был распят.

«Круто начинает, — решил Федор, — Впрочем, здесь такое уже бывало¹».

— Зато почти все остальные офицеры его армии, не задумываясь, последовали за Ганнибалом, — охотно рассказывал Могадор, непосредственный участник этих событий, — как и солдаты. Армия любит Баркидов. Правда часть сил Арвада, конечно, отступила в сторону Селинунта, но таковых нашлось не много, всего около трех тысяч человек. Туда же ушла треть кораблей флота, зато остальной флот наш.

«Похоже, действительно грядет гражданская война, — подумал Федор, рассматривая проплывавший по левому борту живописный берег, рассветная хмарь над которым уже давно рассеялась, — карфагеняне будут воевать друг с другом, а заодно и с римлянами. Но моя совесть чиста, я не входил в сговор с врагами. А вот Магон ради власти на это пошел».

Федор еще раз спросил себя, правильный ли он сделал выбор, приняв сторону Ганнибала. И еще раз ответил себе да. Конечно, все золото, собранное за время итальянской кампании пришлось оставить дома, в особняке, посреди живописного квартала Карфагена. Впрочем, как и сам особняк вместе со слугами. А еще в казну отходило его загородное имение с рабами и плантация финиковых пальм. За одну ночь Федор стал гораздо беднее. Но в Таренте у него все же был еще один дом и неплохой. А главное, семья, без которой он не видел дальше своей жизни. Правда, за нее теперь приходилось опасаться вдвое больше.

— А деньги... — пробормотал Чайка себе под нос, глядя отсутствующим взглядом в морские волны, и слегка усмехнулся, — деньги придут снова. Если я правильно помню, Ганнибал обещал меня наградить, если я смогу доставить письмо Гасдрубалу. И я доставил. Посмотрим, какова будет милость нового... тирана. А кроме того война, — дело прибыльное.

¹ ...он был распят — Карфагенский сенат иногда практиковал такой вид казни. В частности, во время Первой Пунической Войны. После того как пунийский военачальник, прибывший в Мессану по просьбе маммертинцев раньше римлян, занял город, а затем оставил его без боя под давлением римского военачальника, он был распят по приказу сената. Сразу вслед за этими событиями и началась Первая Пуническая Война.

Плавание проходило спокойно. Попутный ветер надувал паруса и к вечеру квинкерема причалила на мысу у Кротона, лежащего почти на полпути до конечной точки путешествия. Отсюда до Тарента было уже ближе, чем до Мессаны, так что Федор мог считать, что почти добрался до дома. Поскольку только это место на средиземноморье он теперь мог считать домом.

Чуть дальше начинался огромный залив, на северной оконечности которого находился Тарент. «Завтра я увижу Юлию и Бодастарта», — с удовольствием подумал Чайка, располагаясь на ночлег в одном из домов на берегу.

Отлично выспавшись, на следующее утро он почти взлетел по сходням на корабль, взявший курс на Тарент. А когда на горизонте показались очертания знакомого берега, был вне себя от счастья. Однако, ветер вдруг стих и паруса обвисли.

— Сколько нам еще понадобится времени, чтобы достичь гавани? — уточнил Федор, в нетерпении подходя к Могадору, который что-то рассматривал в противоположной стороне, пока гребцы, повинуясь свисткам надсмотрщиков, выдвигали из глубины бортов свои весла.

— Быстро идут, — заметил, не отвечая на вопрос Могадор, — могут успеть раньше нас. И лишь затем, обернувшись к Федору, добавил.

— Теперь это знают лишь боги. Я распоряжусь, чтобы гребцов поторопили. У меня нет желания вступать в бой одному против целого флота.

И покинув Чайку, он сбежал вниз по крутой лестнице, а Федор устремил свой взгляд в ту сторону, которой так живо интересовался Могадор. Увиденное его совсем не обрадовало. Он насчитал почти двадцать длинных корпусов кораблей, с массивными наверхиями в носовой части, стремительно перемещавшихся на веслах. Даже беглого осмотра было достаточно, чтобы узнать в них римскую эскадру. Вернее, целый флот, тут Могадор был прав. И этот флот пришел к берегам Тарента, ставшего цитаделью Ганнибала в Южной Италии, явно не с мирными намерениями. Сейчас он двигался вдоль побережья, почти параллельным курсом с квинкеремой Могадора. Расстояние до гавани было примерно одинаковым.

— Что-то осмелели римляне, — флегматично заметил Могадор, вернувшийся из глубин трюма, сразу после того как корабль ожил и вновь полетел по волнам, повинуясь ритмичным взмахам сотен гребцов, — давно они не рисковали появляться так близко от наших берегов, если не считать дня нашей встречи.

Чайка невольно вспомнил недавний бой у Мессаны и был вынужден согласиться. Римляне действительно осмелели, и, возможно, начали активные действия по всему фронту. А на это, судя по всему, была причина, о которой Чайка догадывался. Пришли в движение пружины тайной политики, в которой на этот раз Рим и Карфаген действовали заодно против общего врага. Смертельного врага, угрожавшего их существованию.

Пока финикийский корабль стремительно продвигался вперед, рассекая тараном слабые волны, Чайка гнал от себя предательские мысли о том, что будет, если римляне отрежут их от гавани. Конечно, в самом городе наверняка стоит на рейде множество кораблей, но при таком раскладе сил они могут и не дожидаться помощи на этот раз.

— Быстрее! — крикнул Могадор, перехватив взгляд Федора, — прикажи, чтобы эти лентяи шевелились, а не то я казню их раньше, чем мы доплывем до берега!

Приказ относился к командиру гребцов, который был вызван на палубу и сейчас находился неподалеку. Получив «нагоняй» он развернулся и снова застучал башмаками по ступенькам лестницы, растворившись на нижних палубах. Спустя недолгое время корабль действительно прибавил ход, словно ему «подкинули угля» в машинное отделение.

Могадор и Чайка, продвигаясь вдоль борта, постепенно переместились в носовую часть. По дороге капитан проверил расчеты баллист и морпехов, уже находившихся на своих местах согласно боевому расписанию. «Артиллеристы» дожидаясь скорого сближения, уже натяги-

вали торсионы, заряжая свои орудия. А морпехи плотными рядами выстроились вдоль бортов, подняв щиты, готовые отразить нападение.

По хмурому выражению лица Могадора было ясно, что он не в восторге от мысли пасть смертью храбрых в борьбе с превосходящими силами противника, но, не колеблясь, сделает это, если так случится. Федор же совсем не хотел погибать, выбравшись из Карфагена и благополучно миновав Сицилию, буквально в двух шагах от дома.

Солнце едва вошло в зенит и нещадно палило. Отсутствие ветра уже заставляло столпившихся на палубе людей, затянутых в массивные панцири, страдать от жары. Пот тек ручьями по лицам воинов, но никто из них не жаловался на жизнь, предпочитая встретить римлян во всеоружии. Федор, проведя на средиземноморье уже не один год, тоже привык воевать на жаре, но иногда вспоминал свои северные широты из прошлой жизни, где люди видели снег, не только проходя по горам.

Весла ритмично опускались в воду, вспенивая почти гладкую поверхность. Время летело быстро. Наблюдая за перемещением римской эскадры, Чайка к своей радости заметил, что они начали выигрывать эту гонку. Лишенная тяжести корвуса карфагенская квинкерема шла быстрее, и, мысленно продолжив воображаемую линию до входа в военную гавань Тарента, Федор понял, что они смогут проскочить перед самым носом у римлян. Если, конечно, не случится чего-нибудь непредвиденного.

«О, боги, помогите мне добраться до дома, — взмолился Чайка, — а уж там я найду способ отплатить вам».

Римляне были уже близко. Федор мог невооруженным глазом заметить морпехов на палубах кораблей, с удивлением взиравших на одинокое финикийское судно, затеявшее с ними гонку. Все остальные суда, который Чайка успел увидеть неподалеку от городских стен, едва заметив опасность, предпочли скрыться в гавани, вход в которую был перегорожен массивной цепью. Едва поднимаясь над водой, эта цепь была растянута между двумя каменными башнями и перекрывала проход, сквозь который могла пройти лишь одна квинкерема. Не больше, ни меньше. Башни стояли на высоком насыпном молу, укрепленном внешней стеной, отгораживая военную гавань от моря. На стенах было полно солдат, давно заметивших и римлян и спешивший к морским воротам финикийский корабль. Так что римлянам предстояло сначала захватить первую линию обороны, чтобы попытаться прорваться в город. Впрочем, все в этом городе им было слишком хорошо знакомо. Федор не знал приказа, который отдали римские флотоводцы, но такое количество кораблей вряд ли прислали лишь для того, чтобы провести акцию устрашения.

— Скорее всего, будет штурм, — поделился Федор своими соображениями, рассматривая римские корабли.

— Конечно, будет, — кивнул Могадор, — иначе, зачем они здесь. Но это пока не наше дело. Нам главное успеть прорваться внутрь.

Федор не стал спорить, а Могадор обернулся к возникшему в двух шагах командиру гребцов и вновь пообещал ему скорую смерть, если корабль, хоть на мгновение снизит скорость. В тот момент, когда Могадор обернулся, ядро просвистело у него над головой и упало в воду всего в каких-то пятнадцати метрах.

«Перелет, — машинально отметил Федор, пригибаясь от свиста следующего римского гостинца, — значит мы уже в зоне действия баллист».

Второе ядро ударило точнехонько в нос, раскрошив часть массивного украшения в виде конской головы. Резная фигура треснула, и обломки просыпались прямо на Чайку, который успел отскочить назад прежде, чем его придавило куском дерева схожим по весу со стволом дерева средней величины. Могадор не сдвинулся с места, но его не задело, словно он был заговоренный.

Отряхнувшись от деревянной крошки, Федор подошел к баллисте и бросил взгляд в сторону римлян. Ближайший корабль был уже в какой-то сотне метров. Его корвус нависал над носовой частью, чуть притапливая ее в волнах, а таран нацелился в борт финикийцам. Некоторые римские морпехи насмехались над своими врагами, размахивая руками и проклиная их. С палубы квинкеремы неслись крики и ругательства, часть которых Чайка даже понял, но не стал переводить капитану. Смысл был и так понятен.

— Открыть ответную стрельбу! — рявкнул Могадор в ярости, обернувшись назад, — пусть не думают, что нас легко испугать.

Финикийские канониры немедленно дали ответный залп, который заставил римлян ненадолго заткнуться. Три ядра попали в цель, превратив в кашу с десятков римских морпехов и разрушив ограждение в центре борта. Спустя несколько минут, когда римляне от вида крови пришли в себя и, закончив бахвалиться, по приказу центуриона изготовились к абордажному бою, подняв щиты, финикийская квинкерема на полном ходу проскочила опасную зону. Проскользнув мимо нацеленного в ее борт тарана, пунийский корабль, вырвался на «финишную прямую». До морских ворот города осталось не больше трехсот метров, которые, впрочем, еще следовало пройти. Ядра с римских кораблей, а позади них теперь оказался не только флагман и еще две квинкеремы, буквально забарабанили по палубе и обшивке корпуса. Отовсюду слышались стоны раненых. На глазах Чайки одному морпеху снесло ядром голову, а другого, что прикрылся щитом, выбросило за борт, сломав его телом ограждение. Римляне в ярости усилили обстрел, не веря, что пунийцы ускользнули из-под самого носа.

— Цепь! — раздался вдруг вопль Могадора, — поднимите цепь!

Федор, который за это время переместился ближе к центру корабля, на всякий случай поднял повыше щит, обошел стрелявшую баллисту, несколько убитых морских пехотинцев, и снова встал справа от Могадора, не покидавшего своего места на носу.

— Что происходит? — уточнил Федор, прислушиваясь к продолжавшемуся свисту ядер, который, казалось, ничуть не заботил командира квинкеремы.

— Они думают, что я перелечу через нее на крыльях! — бушевал Могадор, указывая Чайке на башни, между которыми виднелась массивная цепь, — если эти недоумки промедлят еще мгновение, то она рассечет мой корабль не две половины. Если только боги не перенесут нас через нее.

Чайка присмотрелся. До входа в гавань оставалось не больше сотни метров, но длинный корпус корабля стремительно приближался к проходу между башен, все еще перегороженному цепью. Расстояние сокращалось на глазах, но цепь не двигалась с места.

— Может быть, они решили, что это все отвлекающий маневр римлян? — озадачился Федор, — которые хотят так ворваться в город.

— Может быть, — отмахнулся Могадор, — но меня ждали, а значит должны узнать.

Он обернулся назад, бросив взгляд в сторону висевших на хвосте римлян.

— Они не успеют проскочить за нами, если вовремя опустить и поднять цепь.

Федор хотел уже вновь обратиться за помощью к богам, но защитники Тарента решили поверить своим глазам и, посчитав корабль финикийским, начали опускать цепь. Медленно, со скрипом она стала погружаться в воду. На взгляд Федора слишком медленно. Цепь скрылась под водой лишь тогда, когда изрядно потрепанная обстрелом квинкерема подлетела к самому проходу.

— Убрать весла! — рявкнул Могадор, и его приказ эхом подхватил кто-то из офицеров.

Хотя приказ был своевременным, он все же немного запоздал. Из-за недоверия защитников крепости, весла гребцы стали убирать лишь в последний момент. Раздался треск и несколько весел, не успев скрыться во чреве корабля, разлетелись в щепки ударившись о каменные стены башен. Квинкерема проскочила в узкий канал, и Федор тут же услышал еще один странный звук, — что-то проскрежетало по днищу.

— Цепь! — пояснил повеселевший Могадор, — они начали ее поднимать, едва впустили нас, чтобы отрезать римлян.

И перехватив настороженный взгляд Чайки, который осматривал корабль с таким видом, словно тот должен был вот-вот развалиться на части, добавил, махнув рукой:

— Ерунда! Киль крепкий, выдержал! Главное, что мы в гавани.

Федор перешел на левый борт, — едва избежавший гибели корабль заложил резкий поворот, направляясь к одному из знакомых пирсов, — и посмотрел назад. Римские квинкеремы так увлеклись погоней, что в спешном порядке были вынуждены «закладывать виражи», разворачивались перед самыми башнями, чтобы не протаранить их. Остальные же корабли перенесли огонь на башни и стены, атаковав защитников. Штурм Тарента начался, но Чайку это уже не волновало. Солдат и метательных оружий на стенах хватало. С первым приступом должны были справиться.

Глава четвертая «Битва за дельту»

Первые несколько часов плавания, а вернее осторожного продвижения к морю, прошли спокойно. Греки не показывались. Лагерь у излучины скифский флот покидал еще в предрассветной мгле, на веслах. Но туман быстро рассеялся и вскоре, поросшие лесом берега стали отчетливо видны. Впрочем, как и многочисленные боевые корабли, клином вошедшие в русло реки. Именно такой порядок плавания, а не обычное движение линией, установил скифский адмирал, квинкерема которого была острием ударного клина.

— Прячутся сволочи, — подумал вслух Леха, стоя на корме рядом с Токсаром и всматриваясь в топкие берега, не подававшие признаков жизни, если не считать то и дело взлетающих птиц, — в глубину заманивают, значит, засаду дальше устроили.

По данным разведчиков, греки уже давно должны были показаться. До этого дня их конные разъезды и патрули регулярно вторгались на эти территории, выдавая близость укреплений. И Леха уже давно ожидал увидеть стычки между конными отрядами Аргима, маячившими среди деревьев, и греческим авангардом, но пока все было тихо. Миновали уже три деревеньки с полуразвалившимися ветхими строениями и все они были пусты. Местные жители покинули здешние места, не дожидаясь начала боевых действий.

Однако, несмотря на видимость спокойствия, Ларин поначалу был напряжен и ждал внезапного нападения греков. «Скоро, — думал адмирал, разглядывая спокойные волны реки, что несла их в сторону моря, — очень скоро эта тишина сменится грохотом сражения. По всей дельте. Корабли Арсака уже должны были обогнуть мыс и войти в другое русло. Недолго осталось, печенкой чую».

Задуманное наступление должно было принести скифам успех, Ларин в этом не сомневался. Но на всякий случай отправил посуху, обходным путем, конного гонца в Тиру. Его гонец с небольшим отрядом охранников должен был пройти вверх по реке, а затем, по захваченным скифами землям, добраться до Тиры и передать письмо коменданту крепости. А уж тот обрадует Гиლისподиса и сообщит находившимся в порту капитанам кораблей о предстоящей кампании.

Некоторое время адмирал подумывал о том, чтобы вызвать сюда и эннеру. Плавучая артиллерия могла бы оказаться как нельзя кстати. Однако, потом решил, что действовать в условиях дельты, где из каждой протоки корабль-монстр мог атаковать какой-нибудь лихой греческий капитан на триере, не лучший вариант. В этом случае даже атака многочисленных бирем могла быть опасной, а лишиться своего самого мощного корабля на «Черноморском флоте» он не хотел.

«Пригодиться еще, — подумал с осторожностью Ларин, прищурившись на солнце, — вот отобьем дельту, приступим к городам, начнем один за другим утюжить артиллерией с моря, вот тогда и подтянем сюда эннеру. Так от нее пользы больше будет. А здесь триерами обойдемся».

Между тем прошло еще два часа, уже совсем рассвело, а отделившийся от лагеря на приличное расстояние караван, все еще продолжал свободное плавание. И Ларин понемногу расслабился, резонно рассудив, что двум смертям не бывать, а одной не миновать. Медленным шагом он направился в носовую часть, чтобы проконтролировать своего главного оружейника, который суетился там, устанавливая странное сооружение, заинтриговавшее всех, кто плыл на этом корабле. Матросы и морпехи, проходя мимо со смешанным чувством страха и уважения к неизвестному гению, посматривали на эту угловатую конструкцию, напоминавшую большой стол, с установленными на нем закрытыми желобами, жерла которых смотрели чуть вверх. Никто из них не видел, но многое слышали о том, что сотворил этот тщедушный грек с аргосцами, призвав на их головы гнев богов. И все они, — Ларин понял это по довольным ухмылкам,

— были рады, что оружейник вместе со своим странным оружием появился на флагманском корабле. Уж теперь-то им вообще ничего было не страшно. Леха не посвящал их в подробности, чтобы боевой дух не пострадал еще до сражения. А там, в случае чего, можно было бы все списать на вездесущий гнев богов.

— Ну, как дела, Каранадис? — поинтересовался адмирал, возникая из-за спины грека, вдвоем с подручным рабом укреплявшего опоры для направляющих, по которым вскоре должны были взлетать в небо ракеты. По замыслу Ларина это оружие победы в случае удачного применения должно было навести ужас и рассеять греков после первого же залпа. Поскольку второго просто могло не быть, не говоря уже о неприятном развитии событий, о котором адмирал старался не думать, осторожно разглядывая свой отличный деревянный корабль.

Грек оторвался от прототипа «Катюши», и выпрямился, обрадовавшись передышке.

— Скоро закончим, хозяин, — сообщил он, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба, и уточнил, осторожно погладив один из желобов, — а вы уверены, что их нужно направить чуть вверх?

— Уверен, — кивнул Ларин, — ты сам, что ли не понимаешь зачем? Этот желоб мы закрытым сделали, да отполировали почти внутри. Твой длинный горшок по нему должен вверх взлететь, да так высоко, чтобы расстояние пролететь как можно большее. А потом обрушиться на головы грекам.

— В крепости это было легче сделать, — задумчиво проговорил Каранадис, переводя взгляд на качавшуюся палубу корабля, и пропуская мимо ушей постоянные упоминания своих соплеменников. Это для Ларина все греки были на одно лицо. А на самом деле греки считали своими только тех, кто родился в их городе. Все остальные были так, — седьмая вода на киселе. Дальняя родня, что объединялась только в случае общей угрозы. Но сейчас наступил как раз один из таких случаев, не для Каранадиса, конечно. Ему и здесь было хорошо.

— Там можно было пускать ракеты с высоты, — поделился опасениями оружейник, — не долетит, так упадет на головы. Все равно разрушения будут.

— А то я без тебя этого не понимаю, умник, — ухмыльнулся Леха, хлопнув себя по бедру, — для чего мы, по твоему, всю конструкцию почти на самом носу установили?

— Опасно, — продолжал гнуть свою линию Каранадис, посмотрев вперед, — если нам придется таранить корабли, все это может рухнуть в воду.

— Не беспокойся, — озадачил его адмирал, поглаживая шершавые снаружи стволы своей первой ракетной установки, смотревшие строго вперед по курсу, — прежде чем мы начнем таранить греческие корабли, твоя установка выпустит по ним все зажигательные горшки.

Каранадис молчал, размышляя. А Леха обошел вокруг их совместное детище, связанное из дерева и прутьев. Стволов, установленных на массивном основании из балок, было четыре. А боезапас состоял из пяти ракет, покоившихся в ящиках неподалеку.

— Как закончишь крепить, заряжай все четыре горшка, — закончил наставления адмирал, вглядываясь в излучину реки, — мы начнем это сражение залпом наших ракет.

— А что делать с пятым? — уточнил грек, кивнув на ящики.

Ларин на секунду задумался, потом перевел взгляд на «Катюшу», и проговорил.

— Оттащи подальше, ко второй мачте, и поставь между баллистами. Целее будет.

Греку не очень понравился тон, которым адмирал это сказал, но делать было нечего. И он снова ушел в работу. А Ларин не торопясь отправился на корму, обходя по дороге расчеты баллист и проверяя боеготовность корабля. На верхней палубе сейчас скопилась масса народа, — не считая артиллеристов и моряков, у бортов уже выстроились морские пехотинцы, поблескивая в лучах утреннего солнца своими чешуйчатыми панцирями. Все они, по скифской традиции, что отличало их от тех же греков, кроме мечей были вооружены еще и луками. Именно пуская стелы, они начинали абордажный бой.

Пробравшись на корму, Ларин невольно бросил взгляд назад, где шли основные силы. Восемь триер бороздили таранами волны реки, позади которых вторым эшеленом атаки шли биремы, доверху нагруженные солдатами. Адмирал был уверен, — конница конницей, но без десантной операции не обойдется. Наверняка греки понастроили на берегу каких-нибудь укреплений. Больших городов по этому руслу не имелось, так деревни и поселки, укрупнявшиеся по мере приближения к морскому побережью. Зато они попадались по другому руслу, но Ларин и не надеялся, что Арсаку в одиночку удастся отогнать греков до моря.

«Сможет там устроить хорошую драку, чтобы греки не перебросили свободные силы, и то ладно. Солдат для этого у него достаточно. Конница поможет. Остальное сами сделаем, — подумал Леха, чуть задержавшись взглядом на двух триерах у дальнего берега. В трюмах этих кораблей находилась катапульта Архимеда, разобранный на части и заботливо прикрепленный, — а до этой штуки еще дойдет черед. Дайте, как говориться, срок».

Неожиданно с носа квинкеремы раздался вопль вперед смотрящего матроса, за которым приглушенный ропот прокатился по кораблю, на десятки голосов повторяя тоже самое слово: — Греки!

Ларин мгновенно развернулся и бросил взгляд вперед. Из-за поворота реки, которая огибала сильно выдававшийся мыс, показались греческие триеры, пять кораблей, перегородившие самое узкое место реки. На берегах с обеих сторон копошились пехотинцы, облепившие валуны.

— Приготовиться к бою! — приказал адмирал Токсару, — сообщи нашим триерам, чтобы выдвигались вперед. Пусть следят за моим сигналом. Как только загорится первый корабль, пусть атакуют остальные.

Токсар кивнул, а Ларин вновь устремился на нос корабля, пробираясь через расступавшихся перед ним морпехов.

Когда квинкерема прошла еще метров сто, и стало видно чуть дальше, Леха заметил, что за строем греческих кораблей, находился не то мост, не то наплавная переправа, устроенная тем же способом, что и скифская. Там тоже виднелись солдаты, суевившиеся вокруг баллист, установленных прямо на деревянный настил. А на берегу скопилось множество конницы. Русло в этом месте сильно сужалось, правда, затем снова становилось шире. Но о том, чтобы пройти это узкое место без боя и речи не было.

— Две линии. Глубоко эшелонированная оборона, можно сказать, — сплюнул Ларин, останавливаясь рядом со своей ракетной установкой, — ну да ничего, прорвемся. Все горшки зарядил?

— Все, — подтвердил Каранадис, от предвкушения залпа, больше похожего на смертельный эксперимент, забыв про свой страх и в радостном возбуждении сжимая огниво, — поджигать фитили?

— Давай! — не раздумывая махнул рукой Леха, и вдруг заметил почти сразу за наплавным мостом, небольшое возвышение, на котором была выстроена приземистая башенка. Позади нее угадывался еще один отворот реки, перегороженный большими лодками. А вокруг этого места было полно пехотинцев.

«Неужели мы уже добрались, до той самой протки? — удивился Леха, припоминая карту, — Похоже. А если так, то полдела уже сделано. Осталось только пробить эту оборону».

В любом случае ответ на этот вопрос могла дать только разведка боем, которую он так долго ждал.

— Давай Каранадис! Жги, кудрявый! — орал Леха, пританцовывая с мечом в одной руке позади «ракетной установки», пока грек нервными движениями один за другим поджигал фитили.

Передовая триера греков мощными рывками устремилась вперед. Не сходя с места, скифский адмирал уже слышал окрики их гортатора, подгонявшего своих гребцов. Но и его квин-

керема шла вперед полным ходом. Бросив взгляд назад и в стороны, Ларин заметил, как вторая скифская квинкерема пристроилась позади, а триеры почти сравнялись по скорости с флагманом. Две линии кораблей разделяло уже не более сотни метров, когда до адмирала донеслись дикие крики по правому борту. Бросив взгляд на ставший пологим берег, Леха заметил, как из леса показалась скифская конница в сверкающих доспехах и атаковала конное охранение переправы, окатив его градом стрел.

— А вот и Аргим, — удовлетворенно пробормотал Ларин, — молодец, вовремя прибыл.

Первым ударом скифам сломить сопротивление не удалось, их встретила отборная и неожиданно многочисленная конница греков, — закованные в доспехи катафрактарики. Завязался жестокий бой. Но, следить за его развитием адмиралу было некогда, корабли неприятеля быстро приближались. А то, что он задумал, должно было потрясти всех. Если, конечно, боги будут на его стороне.

«Помоги мне, великий Тамимасадас!»! — пробормотал скифский адмирал, глядя, как догорают фитили у «ракет». Все четыре орудия были направлены строго на передовую греческую триеру, позади которой летела на веслах еще одна, попадая, как надеялся Ларин, в зону обстрела, хотя границы этой зоны не представлял даже Каранадис. Кроме залпа в крепости, они всего дважды испытывали эти боеприпасы, но, оба раза это были одиночные «пуски». Слишком много времени уходило у оружейника на изготовление взрывчатой начинки одного такого летающего горшка. Но Леха приказал себе верить, что все получится.

И все же, вспомнив о разрушениях в собственной крепости, решил принять меры предосторожности. Оглянувшись назад, он увидел, что морпехи стоят почти за его спиной, готовые броситься на неприятеля, когда завяжется абордажный бой. Ведь против них выступало сразу два корабля.

— Отведи бойцов ближе к корме! — приказал адмирал, а когда командовавший ими сотник с удивлением воззрился сначала на него, а потом на выставившие на глазах триеры, уже готовые протаранить их борт, рявкнул вдобавок, — Быстро!

Скифы в недоумении попятились, но Леха не стал вдаваться в долгие объяснения, а вместо этого схватил за отворот туники Каранадиса, засмотревшегося на горевшие фитили и отшвырнул его назад метров на пять. А потом, перехватив взгляд командира греческих морпехов, отбежал и сам, остановившись лишь у баллисты.

«Раз, два, три, — считал Леха, глядя на свою установку, которой давно полагалось сработать, четыре, пять... неужели погасло...» Над головой уже свистели ядра, а позади него раздавались первые стоны, — греки пустили в дело свои метательные машины. И тут в установке что-то сверкнуло, раздался двоянный хлопок, и огненный смерч вырвался из двух стволов. Почти одновременно два огненных шара просвистели по воздуху над водой и ударились точнехонько о палубу головной греческой триеры. Сразу вслед за этим последовал мощный взрыв, превративший всех и все, что там находилось в огненный фонтан. Третья «ракета» тоже стартовала удачно, но следов ее попадания Леха не увидел, поскольку она улетела куда-то сквозь море огня, закрывшее горизонт. Полуразрушенная объята пламенем триера мгновенно лишилась хода и стала забирать носом в сторону, расходясь с квинкеремой.

Восхищенный ропот пронесся по рядам морпехов.

— Я же тебе говорил, этот оружейник дружит с богами! — донесся до адмирала из-за спины разговор морпехов, — не зря мы взяли его с собой.

«А где же четвертый выстрел? — как-то отстраненно подумал Леха, приглядываясь к покореженной установке, которую так перекосило, что ее жерла уже смотрели в собственную палубу, — ведь Каранадис должен был зарядить четыре снаряда».

И тут он увидел четвертую «ракету». Выкатившись из треснувшего ствола, она лежала в двух шагах от места крепления передней мачты. А ее фитиль преспокойно догорал.

— Говорил же я тебе, сволочь, — повернулся с абсолютно спокойным видом адмирал к оружейнику, ликовавшему вместе с морпехами в двух шагах от него, — отрезай фитили ровнее.

Грек перевел на него удивленный взгляд, но ответить не успел. «Ракета» зашипела и, откатившись в сторону левого борта, взорвалась прямо на палубе. Взрывом оторвало все ограждения, снесло надстройки, проломило палубу, а десяток солдат выбросило за борт, обдав их пламенем. Леху взрывной волной отбросило назад, прямо в гущу морпехов, повалив первые ряды. Это случилось буквально за мгновение до того, как находившуюся слева баллисту опрокинуло на то самое место, где только что стоял бравый адмирал. Палубу мгновенно заволочло дымом. Отовсюду послышались стоны и ругань.

Чертыхаясь, наступая на конечности валявшихся рядом солдат, Ларин, вскочил на ноги и осмотрелся. На носу бушевал настоящий пожар, зияли проломы в палубе, но жертв было не слишком много. К счастью он вовремя отогнал всех солдат ближе к корме. А ожидаемого столкновения со вторым греческим кораблем пока не произошло.

«Странно. Видимость нулевая, но боги пока хранят нас, — пронеслось в мозгу слегка ушибленного о палубу адмирала, — надо срочно что-то предпринять, этак мы в дыму налетим на кого-нибудь. Мы же теперь сами отличная мишень».

Оттолкнув оказавшегося на пути бойца, Ларин добрался до правого борта и попытался заглянуть вперед. Первое что он увидел, — объятую пламенем греческую триеру, которая потеряла ход. Она дрейфовала по течению. По палубе еще носились матросы, но большинство солдат, побросав оружие, уже плавало в воде, спасаясь от огня. Барахтаясь, греки тонули, один за другим уходя на дно. Однако, это была не та, флагманская триера, что спешила на таран. А другая, шедшая следом.

— Попали, е-мое! — радостно крикнул Ларин, пытаясь отыскать взглядом своего оружейника, и отыскал, тот прятался за ближайшей баллистой, бешено озираясь по сторонам, — и в эту попали. С первого раза. Ай да Каранадис!

Результаты залпа были впечатляющими. Вторая ракета, прежде чем поразить цель, пролетела метров триста, не меньше. Оглянувшись назад, Леха заметил и первый корабль греков, вернее, догоравший развороченный остов. Дымовая завеса накрыла половину реки, но из-за нее одна за другой выскакивали скифские триеры, тараня ошеломленных греков. Первая линия обороны была мгновенно смята, лишь два корабля неприятеля оказывали сопротивление у правого берега реки, пытаясь остановить наступление. И Ларин с удивлением отметил, что между ним и наплавным мостом больше никого нет. Охваченная пламенем квинкерема, набрав ход, стремительно неслась напрямиком к нему. Но, неожиданно весла перестали с плеском опускаться в воду, корабль, качнувшись вперед, «притормозил», а на палубе показался ошарашенный гортатор.

— Что случилось? — спросил он, увидев Ларина в нескольких метрах от уцелевшей лестницы, — мы тонем?

— Не останавливаться! — рявкнул на него адмирал, — набрать ход! Будем таранить этот мост!

Получив нагоняй от самого адмирала, покинувший свой пост гортатор буквально провалился обратно под палубу и вскоре десятки весел вновь разогнали корабль до нужной скорости. Гребцы старались, несмотря на дым, валивший во всю и уже сочившийся из-под палубы. Благодаря их усилиям квинкерема была уже рядом с мостом, где Леха мог отчетливо разглядеть своих врагов.

Греки замечались у баллист, осознав, что этот огромный корабль не собирается останавливаться. В воздухе вновь засвистели ядра в отчаянной попытке остановить флагмана скифского флота. Прилетая сквозь дым, застилавший небо впереди, сбывая с палубы морпехов, они проламывали обшивку, превращали людей в кровавую кашу. Но, Ларин уже поймал кураж и, не обращая внимания на падавших вокруг него солдат, вернулся на корму.

— Правь прямо на мост! — коротко бросил он Токсару, не меньше морпехов ошеломленному взрывом, который изуродовал весь нос квинкеремы, — никуда не сворачивать! Идем на таран!

— Я хотел потушить пожар, — только и успел проговорить Токсар, пригибаясь под пролетевшим над его головой ядром.

— Некогда, — оборвал его Ларин, — да и нечем. Лучше держись, сейчас столкнемся.

Полыхающий корабль на полной скорости врезался в наплавной мост, от удара морпехи, не видевшие что происходит впереди, попадали на палубу, а многие посыпались за борт в воду. Человек пять неожиданно для себя, пролетев сквозь огонь на носу, вместе с горящими обломками «Катюши», оказались на мосту среди греков. Квинкерема, между тем, словно острый нож вспорола деревянный настил, чуть замедлила свой ход, но к изумлению Ларина, державшегося за кормовое ограждение, продолжала двигаться дальше. И вскоре, со страшным скрежетом развалив часть моста и подмяв под себя обломки лодок, вновь оказалась на открытой воде.

— Хреновые из вас строители! — крикнул Леха по-русски грекам, сновавшим вниз, — не родились еще те, кто сможет остановить Леху Ларина!

От удара прогоревшие носовые балки обрушились вниз, и вдруг стало лучше видно, что твориться впереди. Но сам по себе пожар униматься не хотел, ведь горела уже почти вся верхняя палуба под ногами.

Квинкерема, едва не черпая носом воду, продолжала двигаться по реке, но как-то боком, закладывая большой вираж в стону правого берега, на котором разворачивалось конное сражение Аргима и греческих катафрактариев. Слева Ларин увидел вражескую триеру, находившуюся в засаде за небольшим островком, а теперь спешившую к нему навстречу. Но тягаться с греками в своем нынешнем виде эта квинкерема уже не могла. Таран был почти разрушен, а вся огневая мощь израсходована. Да, кроме того, пожар уже стал настоящей проблемой. Огонь начал вырываться из весельных портов по обоим бортам, дойдя почти до середины. Адмирал понял, что его корабль обречен и может стать легкой добычей для греков в этой акватории, пока не подспеют свои.

— Что там у вас случилось? — набросился Ларин на вновь появившегося из-под палубы гортатора, — почему корабль идет боком, как хромая лошадь?

— Во время тарана мы из-за дыма не успели убрать часть весел с правого борта, и они сломались, — доложил командир гребцов, — мы еле можем удерживать такой ход...но, недолго. Дым уже почти не позволяет дышать.

Ларин в ярости схватился за акинак. Гортатор отшатнулся, но Леха не собирался его убивать. Он лихорадочно искал решение, что делать дальше с обреченным кораблем, и вдруг нашел для него достойную смерть.

Они уже почти обогнули небольшой мысок с возвышением, на котором стояла та самая приземистая башенка, которую он увидел издалека. Позади нее, — Ларин не ошибся в предположениях, — открывался довольно широкий и явно рукотворный канал, который был вырыт перпендикулярно основному руслу. Он мог вести только к заливу, на дальнем берегу которого располагалась торговая гавань Истра. Самый короткий путь в сердце обороны врага. Греки это понимали, и потому вход в канал был перегорожен тремя рядами бирем и лодок поменьше. С первого раза протаранить эту запруду было невозможно, но зато можно было ее сжечь. Ларин бросил взгляд на свой полыхающий корабль. Лучшего брандера нельзя было и желать.

— Правь вон туда, — приказал он Токсару, и, обернувшись, посмотрел на мост, где шла битва, — наш корабль уже не жилец. Будем пробивать путь для остальных.

Токсар кивнул и подал знак воину, стоявшему у рулевого весла.

— Как застрянем, выводите своих гребцов наверх, — приказал Леха гортатору, — мы все спустимся на берег и погоним греков посуху. Морским пехотинцам приготовиться!

Командир морпехов, тоже стоявший рядом, обрадовался этому приказу, казалось, больше других. Они уже подожгли два греческих корабля, проломили наплавной мост, а пехотинцы еще так толком и не вступили в бой, хотя потери уже понесли.

Не успел корабль взять еще правее, уходя от приближавшейся с кормы триеры, как над головой Ларина просвистело ядро из баллисты. Адмирал пригляделся, — греки, обосновавшись на башне, решили дать отпор скифам. Но баллиста здесь был всего одна, — и Леа даже рассмеялся этой жалкой попытке остановить его корабль, — видно греки никак не рассчитывали на столь быстрый прорыв обороны. Запрудившие все подступы вокруг этого места пехотинцы, уже выстроились в некое подобие фаланги, по обоим берегам видя, что орудия квинкеремы молчат, да и сам корабль объят пожаром.

— Давай, давай! — процедил Ларин сквозь зубы, поторапливая гребцов и рулевого, — Еще чуток и пробьемся!

Он обернулся назад, не обращая внимания на свистевшие вокруг ядра и стрелы, заметив, что брешь на мосту позади расширилась и сквозь нее прошла вторая квинкерема, а за ней триера. Оба корабля бросились наперерез грекам, желавшим атаковать Ларина на воде. Увидев этот прорыв, капитан греческой триеры приказал развернуть свой корабль и бесстрашно принял бой со скифами.

Но подробностей Ларин уже не видел. Берег и линия бирем, перегородившая потоку, приближалась. Со страшным грохотом горящий скифский корабль ударился в нее и, подмяв под себя первые корабли, заполз на вторую линию, где со скрипом остановился в каких-то пяти метрах от свободной воды. Несколько обгорелых брусьев упало на соседние лодки, разбросав повсюду тлеющие головешки.

— Отлично, — проговорил Ларин, выхватывая меч и поднимая щит, — остальное сделает огонь. А нам пора потрудиться на берегу. За мной солдаты! Каранадис, держись рядом!

Глава пятая

«Юлия и Бодастарт»

— Хвала богам, прорвались, — выдохнул Могадор, уперевшись руками в носовое ограждение.

Чайка, молча, кивнул, рассматривая открывшуюся панораму города. С борта квинкерема, которая направилась к одному из дальних пирсов, чтобы пришвартоваться, Федор заметил суматоху, царившую в городе. Вернее, той его части, которая непосредственно прилегала к бухте. Слева по борту за насыпным молом, где располагалась торговая гавань, виднелось множество лодок и «круглых» торговых кораблей. Три судна ошвартовались буквально на глазах Чайки, миновав спасительные ворота незадолго до посланцев Сицилии. Впрочем, паники никакой не было. На большинстве «торговцев» шла обычная разгрузка и погрузка товаров. Вереницы рабов выстроились от складов к низким округлым бортам, перетаскивая туда и обратно тюки с зерном и амфоры с вином и маслом. И даже начавшийся грохот приступа, казалось, не изменил пока хода событий.

Наметанным глазом Чайка заметил, что большинство торговых кораблей были собственноручно карфагенскими, несколько судов принадлежали египтянам и еще каким-то представителям африканских или островных территорий, а вот о греках теперь не было и речи. Не считая жителей Сиракуз, конечно. «Интересно, — промелькнуло в мозгу у Чайки, — кто же теперь будет считаться карфагенскими купцами, наши торговые люди или те?».

Впрочем, этот вопрос был далеко не главным из тех, что волновал командира двадцатой хилиархии. Оторвав взгляд от торговых пирсов и складов, Федор скользнул им по военной гавани. Несмотря на явное нападение, дремавшие у пирсов грозные военные корабли тоже не торопились принять бой в открытом море. На первый взгляд их здесь было ничуть не меньше, чем римлян, а, скорее всего, больше. Но лишь у четырех крайних квинкером Чайка пока заметил какое-то шевеление, похожее на ответную военную активность. Там, на до боли знакомой каменной пристани, выстроились морпехи в темно-синих панцирях, готовясь взойти на корабли. Позади них из казарм строем выходили еще несколько спейр, направляясь к другим кораблям.

— Скажи рулевому, чтобы взял левее, — приказал Могадор, выросшему рядом с ним офицеру, — будем приставать вон там.

Проследив за указующим перстом капитана, Федор понял, что корабль из Сицилии ожидают почти на самом краю военной гавани, где столпилось несколько фигурок, — не то офицеров, не то представителей портовых властей. Но дела Могадора его больше не интересовали, свою задачу, — доставить Чайку в Тарент, — он выполнил блестяще. Дальше их пути должны были разойтись. Федор намеревался сразу же посетить дворец Ганнибала, узнать последние новости и сообщить свои. Но едва подняв глаза на скалистый берег, усеянный особняками знати, и заметив чуть в стороне от дворца Ганнибала свой дом, выстроенный в греческом стиле из светлого известняка, понял, что сначала нанесет визит именно туда. Служба службой, но хозяйку этого трехэтажного особняка, с колоннами у входа, портиками и широкой террасой с видом на море, Федор мечтал увидеть гораздо больше, чем новоявленного царя или тирана Испании, Сицилии и Южной Италии, которого даже не знал пока, как называть.

Сам Могадор и другие офицеры на Сицилии продолжали называть его по-прежнему просто главнокомандующим. Это означало, что Ганнибал не торопился с заявлениями и Чайка его понимал. Объявлять себя суверенным правителем на его взгляд следовало на фоне громких военных успехов, а таких за последнее время было не много. Вот если бы захватить Рим или сам Карфаген... Впрочем, — выбор сделан. И того, что должно было свершиться, уже было не отворотить.

— Да и не мое это дело, — пробормотал Федор вслух, привычно отгоняя глубокие мысли, — угадывать промысел богов.

Он осекся на полуслове и посмотрел в сторону Могадора, но капитан уже направился обратно на корму, отдавая по ходу дела какие-то распоряжения и осматривая повреждения. Подвергшись обстрелу римских баллист, квинкерема серьезно пострадала в бою, но все разрушения приходились на верхнюю палубу. Крупных пробоин в бортах не было и, после небольшого ремонта, она вполне могла вступить в сражение.

— Прощай, — коротко бросил Федор капитану, первым направившись по сходням вниз, когда огромный корабль со скрипом притерся к пирсу, — ты отлично воюешь.

— Кто знает, — ухмыльнулся Могадор, скрестив руки на груди своего доспеха, — может быть, еще свидимся.

— Все в ругах богов, — кивнул Федор, которому нравился этот боевой капитан, — и, конечно, Ганнибала. Хочу успеть к нему до того, как он оправится в очередной поход.

— Интересно, что за весть ты ему привез? — проговорил уже в спину Федору сицилиец, — раз так спешишь.

Но, Чайка больше не обернулся и не ответил. Он зашагал вниз, застучав подкованным подошвами башмаков по доскам деревянного настила. Федор и сам не знал еще, как назвать эти вести. На хорошие они не тянули, а быть вестником, приносящим плохие новости, не очень хотелось. Впрочем, выбора у него теперь е было. «Сначала к Юлии, а там будь что будет», — решил бравый командир хилиархии.

Уверенным шагом он прошел мимо удивленных чиновников, не обратив на них никакого внимания и не выказав особого почтения. Скользнув по лицам, Федор решил, что никого из них не знает и не стал выяснять, зачем они здесь собрались. Явно не его встречать.

Пройдя мимо них, Чайка направился к выходу из военной гавани, где был вынужден назвать себя начальнику караула из морпехов. Тот отлично знал героя римской кампании и даже был наслышан о том, что Федор отплыл куда-то в сторону Испании.

— С возвращением, — ухмыльнулся офицер, оглядывая единственный потрепанный корабль, возвышавшийся за спиной Чайки. Видимо, он также помнил, что отплывало из Тарента таких кораблей великое множество. Целый караван, который сгинул где-то за морями. И заранее посочувствовал Чайке, не выглядевшему триумфатором. Впрочем, Федор не выглядел и побитым, а потому не нуждался в сочувствии нижестоящих офицеров.

— Ганнибал в городе? — поинтересовался он.

— Да, — кивнул офицер, — говорят, с утра был в своем дворце. А что это за суматоха началась у нашей гавани?

— Римляне, — коротко бросил Федор и, миновав караул, зашагал по узкой улочке, увидевшей его меж складов и лавок в сторону кварталов местной знати, возвышавшихся на скалистых холмах.

— Римляне? — переспросил командир морпехов с таким удивлением, словно впервые слышал это слово, — давненько их здесь не было.

Но, Чайка уже не слышал его. Едва не переходя на бег, он проскочил припортовые кварталы и оказался на широкой улице, что вела ко дворцу верховного главнокомандующего, разветвляясь перед ним на несколько улочек поменьше, застроенных особняками зажиточных купцов. Здесь на перекрестке, он повстречал отряд из африканских пехотинцев, маршировавших от дворца Ганнибала. Отряд направлялся в порт, но не к кораблям, а в направлении стены, защищавшей город с моря, где уже шла нешуточная драка. Командир был знаком Федору и даже отсалютовал ему, но в разговор вступать не стал. Слишком торопился выполнить какой-то приказ. Чайка его за это не винил, он и сам торопился. Только в другую сторону.

Однако проскользнуть домой незамеченным ему так и не удалось. Как ни крути, а жил он по соседству с военачальниками, каждый из которых знал его в лицо. Если дворец самого Ган-

нибала он еще смог обойти стороной, то особняки командиров хилиархий, тянулись вдоль всей улицы и почти у каждого из них сейчас толпились офицеры, с которыми Федор был вынужден здороваться и раскланиваться. А в конце улицы он едва не столкнулся нос к носу с самими Атарбалом, успев буквально на минуту разминуться с командиром африканских пехотинцев и его свитой. Дошагав до собственного особняка и нырнув в пространство между колонн, Федор в изнеможении опустился на ступени лестницы, дававшие благословенную тень.

— Отлично, полгорода скоро узнает, что я прибыл, — усмехнулся он, вытирая пот со лба, и прислонившись спиной к одной из прохладных колонн, — не удивлюсь, что кто-нибудь доложит и самому Ганнибалу и для него мое появление не станет неожиданностью.

За спиной остановилась какая-то тень.

— Хозяин? — раздался робкий мужской голос, говоривший по-финикийски, но с греческим акцентом, — вы здесь?

Федор обернулся не вставая. Это был грек-переводчик, которого Чайка сам нашел перед отплытием для Юлии. Прекрасная римлянка изъявила тогда желание немедленно перестроить половину дома, для чего ей требовалось посещать лавки купцов, где она покупала все необходимое, даже не зная языка.

— Да, это я, — кивнул Федор, поднимаясь во весь рост над тщедушным слугой.

— Вы вернулись, — обрадовался грек, по лицу которого Чайка понял, что все это время активная хозяйка не давала ему роздыха, а он предпочел бы ходить на рынок с Федором, который не тратил на это занятие полдня, да еще лишая его удовольствия поторговаться, — хозяйка будет рада.

— Где она? — уточнил Федор и оглянулся назад, услышав топот копыт по камням. Из верхнего города к морю спускался отряд конницы Магарабала.

Не дождавшись ответа, он шагнул внутрь, оказавшись в обширной прихожей, совмещенной несколькими широкими ступенями мраморной лестницы с парадным залом. Юлия явно не теряла времени даром. Сломав одну из стен еще до отъезда Федора, она разрушила стену соседней комнаты, отчего и без того не маленький зал для приема гостей стал еще больше. «Теперь здесь можно разместить на постой целую спейру, — ухмыльнулся Федор, остановившись на ступенях и разглядывая рисунок, изображавший цветущее поле на стенах парадного зала. Он понимал, как скучно было здесь его любимой женщине, раз она развернула такую активность. — Хорошо еще, что снаружи дом не сильно изменился. Впрочем, я еще не все видел».

Позади него послышался шум проскакавшей конницы и почти сразу вслед за этим с верхнего этажа раздался высокий голос, от которого у Федора побежали мурашки по коже.

— Клеопп, ты не знаешь что это за шум в гавани? — громогласно спросила римлянка, появляясь на верхней площадке лестницы, что вела в спальню, — мне кажется, там идет настоящее сражение.

Юлия была великолепно в своем невесомом платье из зеленой матери, облежавшей ее стан и оставлявший открытыми руки и плечи. Тонкая золотая цепь на шее оттеняла ее рыжие кудри. Хотя она старалась одеваться как знатная финикийская женщина, в ее манерах по-прежнему сквозили привычки дочери римского сенатора. Порывистая, смелая и очаровательная. Именно такой образ навсегда отпечатался в памяти бывшего опциона. Именно он и свел его тогда с ума, заставив совершить безумный поступок. Но, Чайка ни о чем не жалел. Ради этого стоит жить.

— Хозяин вернулся, — робко заметил из-за спины Федора грек.

Услышав это, Юлия опустила глаза вниз и, вскрикнув от радости, хотела броситься вниз. Но у Федора были другие планы. Он сам в два прыжка взлетел по лестнице и сжал ее в объятиях, не дав вымолвить и слова. А затем подхватил на руки и понес в спальню, толкнув ногой дверь.

Когда та отворилась, вернее, отлетела в сторону, из-за нее послышался визг испуганной служанки. Та поливала цветы в комнате своей хозяйки и была удивлена неожиданным появлением Федора не меньше Юлии. Едва увернувшись от массивной двери, служанка отпрыгнула на несколько шагов назад и, прислонившись к стене между двумя вазами с раскидистыми цветами, замерла от страха. В этом доме никто не позволял себе такого, и она решила, что ворвался грабитель. Но, рассмотрев запыленного воина в доспехах, который держал на руках ее госпожу, постепенно оттаяла.

— Выйди! — приказал Федор, кивнув на дверь. Он был не в силах больше сдерживать свои эмоции, едва завидел постель.

Служанка, все поняв, мгновенно испарилась, прикрыв за собой дверь. А Федор, с грохотом опрокинув одну из ваз на пол, добрался по черепкам до кровати и рухнул на нее вместе с хохотавшей во все горло Юлией.

— Какой ты нетерпеливый! — ласково проворковала она, когда он принялся сдирать с нее зеленое платье, не тратя время на лишние разговоры, — ты же разнесешь весь дом!

«Станешь тут нетерпеливым, когда столько месяцев провел без женщины», — подумал Федор, но вслух сказал другое.

— Я скучал, — проговорил он, припадая губами к ее обнаженному плечу, показавшемуся из-под приспущенного платья, — а дом, ерунда! Ты его отстроишь заново.

— Может быть, стоит приять ванну с дороги, — предложила Юлия, слегка поморщившись от прикосновения запыленных губ, но не отстраняясь. Она и сама ужасно соскучилась по его рукам, Чайка ощутил это сразу. А потому продолжил гладить ее стан, сжимая все крепче, и Юлия быстро таяла.

— Некогда, — отмахнулся Федор, присев на краю кровати и сдергивая с себя панцирь с помощью Юлии. Ножны фалькаты уже валялись в углу. — Меня ждет Ганнибал. Я только что сошел с корабля и должен был сразу отправиться к нему на прием. Но...

Юлия молчала, позволив ему выговориться. Только прилегла на бок, как бы давая Федору вдоволь налюбоваться своей обнаженной фигурой. Золотые волосы разметались по хрупким плечам. Скомканное платье бесформенным куском материи лежало на полу. Чайка, лишь увидев эти соблазнительные обводы, позабыл обо всем на свете.

— А будет ли Ганнибал доволен тобой? — подзадоривала его римлянка, — я слышала, начался приступ и ты, вероятно, должен быть там.

— Война подождет, — нашелся, наконец, Федор, отбрасывая в сторону тунику и словно лев на добычу бросаясь на Юлию, — я слишком долго воевал и жил без тебя. Больше не могу.

Они предавались неистовой страсти почти полчаса. Да так, что кровать издавала натужные скрипы, слышные во всех концах огромного дома. То и дело Юлия пыталась унять своего мужчину, нашептывая ему на ухо, что слуги услышат все эти звуки.

— Да и пусть слышат, — отмахнулся Федор, которого было не остановить, — пусть завидуют. Мне до этого нет дела.

И, снова повалив римлянку на постель, вошел в нее.

Затем они провели в объятиях еще несколько сладостных минут и теперь расслабленно лежали, отдыхая и глядя в потолок. Легкий ветерок прошелестел по комнате, потревожив листья многочисленных растений, которыми так любила украшать свое жилище Юлия. Только сейчас Федор заметил, что окна в комнате были открыты во внутренний дворик, где вся прислуга могла спокойно наслаждаться «радиопостановкой «Возвращение хозяина»».

«Ну и пусть», — вновь усмехнулся Федор, осознав, сколько веселых минут доставил своим слугам. Он погладил по волосам утомленную любовными ласками Юлию, что положила свою головку ему на плечо и дремала со счастливым видом.

Когда с улицы донесся стук копыт очередного отряда кавалерии, проскакавшего мимо, Федор понемногу пришел в себя. Штурм, похоже, продолжался. Пора было и наведаться к Ганнибалу, пока его не опередили.

Осторожно высвободившись из объятий, Федор разыскал исподнее и стал одеваться. Когда он натягивал обратно свою грязную тунику и потрепанный панцирь, Юлия очнулась и попыталась задержать его взглядом.

— Мне нужно много тебе рассказать... — пробормотал Чайка, борясь с новым искушением, — но... об этом после. Расскажу когда вернусь.

Юлия молча улыбнулась.

— Где Бодастарт? — поинтересовался Федор, осознав, что еще не видел сына.

— Учится верховой езде, — проговорила римлянка, с трудом возвращаясь к обычной жизни, — он в полях у городских стен вместе с тремя слугами.

Парень был еще не таким взрослым, чтобы осваивать эти премудрости, но Чайка не стал спорить с женой. Чем бы дитя ни тешилось, как говорить. Впрочем, теперь он вернулся и сам проследит за тем, как идет воспитание будущего воина.

Кое-как одевшись, Федор шагнул к двери и под его ногой хрустнул глиняный черепок от разбитой в порыве страсти вазы.

— Скажи служанке, пусть приберется тут, — бросил он на прощанье, усмехнувшись, и загрохотал башмаками по лестнице.

У выхода стояло несколько слуг, в том числе и переводчик Клеопп. Поправив с помощью грека амуницию, Федор старался не замечать улыбок, которые едва сдерживали служанки.

— Скоро ли госпожа прикажет отправиться на рынок? — набрался смелости поинтересовался Клеопп, — перед вашим приходом она как раз собиралась туда.

— Не знаю, — отмахнулся Федор, выходя сквозь дверной проем, украшенный статуями героев, — она сама тебе скажет, когда захочет.

Поправив фалькату, он надел шлем, сбежал по лестнице и едва не столкнулся с группой из трех всадников, как раз подъехавших к портику. На одном из коней, перед слугой с гордым видом восседал Бодастарт в серой тунике, державшийся за гриву животного.

— Отец! — закричал мальчуган, едва завидев широкоплечего воина.

Федор остановится посреди улицы, как вкопанный, вновь позабыв про визит к главнокомандующему. Слуга, коренастый ливиец, спустил ребенка с коня и тот, едва оказавшись на мостовой, с разбегу запрыгнул на шею отцу, обняв его.

Прижав к себе сына, Федор позволил себе несколько секунд нежности, и лишь потом оторвал его руки от себя, поставив обратно на камни.

— Я должен идти, — объявил он сыну, — ступай к матери и жди меня вместе с ней. Я скоро вернусь.

— А ты не уплывешь опять от нас так надолго? — обескуражил его вопросом черноволосый мальчуган, глядя прямо в глаза.

— Нет, — ответил, немного растерявшись, Федор, — я только что приплыл и никуда не собираюсь. Беги в дом.

А когда обрадованный Бодастарт с воплями ворвался в особняк, Федор посмотрел на лошадей, пробормотал «это очень кстати», и приказал слуге, который привез его сына спешиться.

— Я возьму твою лошадь, — сообщил он, запрыгивая в седло, — а вы двое поедете со мной во дворец Ганнибала. Нужна же мне хоть какая-то свита.

Глава шестая

«Крепость на холме»

С полуобвалившегося борта пылающей квинкеремы до палубы биремы, притертой к ее борту, было на глаз чуть меньше трех метров, но Ларина это не остановило. Не дожидаясь пока сбросят канаты и спустят лестницы, адмирал первым прыгнул вниз, увлекая за собой людей. Приземлился удачно, перекатился через плечо и, подняв щит, отбил им пущенную с берега стрелу. Пригнулся, спрятавшись за невысоким бортом, осмотрелся. Греки не стремились атаковать скифских морпехов на палубах многочисленных лодок и бирем, запрудивших гавань, а предпочитали встречать их градом стрел, поджидая на берегу. Там они выстроились в линию и ждали, прикрывшись щитами.

— Быстрее! — подгонял своих солдат Ларин, размахивая мечом, словно жезлом, и уворачиваясь от стрел, — быстрее на берег, пока нас тут не перестреляли!

Впрочем, была еще перспектива сгореть заживо. Костер за спиной разгорался первостатейный, да и ветер разгулялся. Дул с реки аккуратно вдоль протоки, тянувшейся между двумя рукотворными насыпями чуть ли не до горизонта, который был ограничен лишь холмами. Но, Ларина это не слишком беспокоило. Он не собирался отсиживаться среди этих обломков кораблекрушения.

Большинство скифских морпехов, хлынувших по сброшенным сходням вниз, ручейками уже перетекали с палубы на палубу связанных вместе кораблей, уворачиваясь от стрел. Правда, удавалось это не всем. То тут, то там, слышались стоны раненных и убитых, плеск от падавших в воду тел.

Многие следовали примеру храброго адмирала, и сигали вниз на палубы вздыбленных после удара квинкеремы суденышек. Рядом с Лариным уже приземлилось человек семь из таких морпехов. Они остановились в нерешительности, поглядывая на затянутого в панцирь командир, который не спешил к берегу, разглядывая посреди начавшейся драки протоку. Она уходила далеко и терялась меж плоских холмов, по хребтам которых, кажется, шли две дороги.

На том берегу, что они обогнули, стояла крепостица, — несколько башенок, соединенных невысокой каменной стеной, с одной большой башней посередине. Из нее то и дело выплывала ядра баллиста, пытаясь сдержать атаку скифов.

«Ерунда, — подумал Леха, заметив Каранадису, все еще толкавшегося на палубе объятый пламенем квинкеремы, — пробьемся. Главное, чтобы Аргим вовремя появился со своими ребятами или подошли наши корабли. Остальное дело привычное».

Каранадис никак не мог влиться в поток морпехов, перемещавшихся по сходням, а прыгать подобно своему хозяину он боялся.

— А ну-ка спустите сюда мне этого умника! — крикнул морпехам Ларин, и недвусмысленно указал на Каранадису, — а то он там и сгорит. Да поживее!

Двое морпехов, пригибаясь, вернулись к борту и прокричали что-то своим сослуживцам, еще остававшимся на палубе. Те, не раздумывая, схватили запаниковавшего оружейника, обвязали его канатом вокруг пояса и мгновенно спустили, а точнее сбросили вниз, придерживая за конец веревки. Оказавшись на палубе рядом с Лариным и не получив стрелу в бок, грек был несказанно рад. Но освободившись от пут, первое, о чем он напомнил Ларину, была погибшая в огне «Катюша».

— Эх, жаль сгорела наша установка, — проговорил Каранадис, поглядывая на полуразвалившийся корабль, — зато какой был взрыв.

— Да, залп вышел отличный, хвалю, — не задержался с похвалой Ларин, невольно вспомнив недавние события у моста, — ну да ничего, новую построишь.

— Да где же я... — начал было выдвигать требования грек, но адмирал оборвал его, пригнувшись под очередным ядром и, заставив пригнуться изобретателя.

— Если выживешь, — закончил мысль Ларин, разгибаясь, — ладно, после поговорим.

И обернувшись к морпехам, которые все еще ждали его приказа, добавил, указав на тшедушного Каранадиса.

— За мной, воины! Этого стеречь и охранять. Головами отвечаете.

И словно позабыв про оружейника, бросился к берегу, прыгая с лодки на лодку. Когда до земли оставалось метров пять, он услышал звон оружия, — это скрестились мечи скифов и греков, сгрудившихся у самой кромки. Берег здесь был высокий и обрывистый, но к счастью не совсем отвесный. Да и заполнявшие канал суда служили естественным мостом, по которому скифы, хоть и не плотными рядами, но добрались до земли. Они спрыгивали на траву и карабкались по ней вверх, нападая на гоплитов. А подразделения лучников, остановленные командирами заблаговременно на палубах нескольких бирем, поддерживали их «огнем». И все равно морпехам приходилось туго. Греки уже изрубили не один десяток солдат, а пробить оборону все не удавалось. Но другого выхода у них не было. Позади бушевало подбиравшееся пламя.

Увидев, как греческий гоплит мощным ударом по шее едва не отделил голову от тела его солдата, Ларин пришел в бешенство и, оказавшись впереди своих людей, сам напал на того грека, рубанув его мечом. Гоплит легко отразил выпад адмирала. Но Ларин в ярости наносил удар за ударом по щиту, ногам и рукам противника до тех пор, пока не достал таки грека в бок, когда тот раскрылся на секунду. Гоплит согнулся от боли, а Ларин, подскочив, добил его коротким ударом в шею снизу, — почти также, как минутой раньше тот сам разделался со скифом. Грек выронил щит и рухнул вперед, прямо на Леху. Но адмирал успел отскочить в сторону и вклиниться в образовавшуюся брешь, вонзив меч еще одному гоплиту в бок.

— Вперед! — заорал он, чувствуя, как ему в затылок дышат морпехи, — Не отставать!

Заколов еще нескольких оборонявшихся, скифы расширили проход в первом ряду и вклинились в него, развивая успех. Чуть в стороне, на правом фланге морпехам под командой своего собственного командира удалось также прорвать оборону и потеснить гоплитов с берега, приблизившись к главной башне. Совсем близко бился Токсар, прикрывая спину своего адмирала.

Умело орудуя мечом и отбиваясь от ударов противника щитом, Ларин продвигался вперед по холму сквозь строй греков и не мог не заметить, что серьезные силы против них выставлены только в первых рядах фаланги. Ее задние ряды, те, что примыкали к небольшой крепости, состояли из легковооруженных воинов копейщиков. Их видели и скифские лучники, продолжавшие посылать стрелы через головы своих соплеменников.

«На первый взгляд их тут человек двести, — размышлял Ларин, скрещивая свой клинок с мечом очередного гоплита, в шлеме с белым плюмажем, — не так уж и много, нас почти столько же. Прорвемся».

Он нанес удар в лицо своему противнику, но промахнулся. Острие звякнуло по нащечнику, а бородатый грек в ответ ткнул своим мечом Ларина в грудь, но угодил в наплечник.

«Квиты, — подумал Леха, продолжая отстраненно размышлять, методично работая мечом, — еще удар и мы прорвемся к башне, а захватив высоту, станем здесь хозяевами. Главное, чтобы Аргим пробился сюда, а к ним подмога не подошла».

Все это вполне могло случиться. На переправе и с другой стороны холма греков было еще предостаточно. Кроме того, скифский адмирал, несмотря на все разведанные, не имел понятия, сколько же их здесь в точности находилось. Конных и пеших. Но, не в его характере было отступать, ввязавшись в драку. Эта протока, — а он уже почти не сомневался, что это именно та протока, что была нарисована на карте, — была им нужна. И они не уйдут отсюда, пока не получат то, что хотят.

Гоплит ему попался опытный. Вертелся как юла, несмотря на тяжелый щит и доспехи. Даже срубил, словно насмехаясь, часть перьев с плюмажа Ларина, чем разозлил и без того не расположенного к шуткам скифского адмирала.

— Ну, держись, скотина! — рявкнул он, и навалился на гоплита щитом, стараясь столкнуть с места. Но грек стоял прочно, и немного выше Ларина, полностью используя свое преимущество. Адмирал чуть отступил на шаг и тут же клинок грека вновь просвистел над его головой. Леха присел, расставшись еще с несколькими перьями, но заметил, что противник чуть выставил вперед ногу. И, не мешкая, нанес резкий удар по голени, подрезая сухожилия. Удар был сильным. Грека не спасли даже поножи. Издав вопль, он выронил щит и рухнул на одно колено, а Ларин вонзил ему свой меч в плечо, распоров кожаные лямки панциря.

За это время они смогли подняться по холму метров на десять и полностью оттеснить греков от берега. Оглянувшись на секунду, адмирал успел заметить, что пожар, вызванный квинкеремой-брандером, ширился, охватывая все новые суда в центре канала. Пламя бушевало уже от основного русла реки до свободной воды канала. На мгновение Лехе показалось, что горит сама река.

— Возьми людей и обойди их справа, у башни! — приказал Ларин Токсару, заметив, что на том направлении гоплитов заметно поубавилось, и в дело вступила легкая пехота, — пробейся к башне. А здесь я сам управлюсь.

Баллиста в башне, хоть и была, похоже, всего одна, не умолкала, продолжая крушить скифские порядки. Артиллеристы здесь были умелые. И это сильно раздражало адмирала.

Токсар отразил выпад гоплита, предназначенный Ларину, заколол его точным ударом и, кивнув, стал пробираться назад, по дороге отдавая приказания бойцам. Уже схватившись с очередным греком, Ларин заметил, что его помощник с отрядом пехотинцев и лучников пришел на подмогу командиру морпехов. И тотчас же оттуда послышался дикий рев атакующих скифов, которые свалили последних гоплитов и набросились на копейщиков, защищавших подступы к башне и главным воротам.

— Ну и нам пора, — пробормотал Леха. Разделавшись с противником, он вскинул меч, увлекая бойцов в атаку, — скифы, за мной!

Лучники, выстроившиеся у самой воды за спинами атакующих бойцов, окатили последние шеренги греков стрелами, умертвив многих и заставив запаниковать остальных. Бойцы Ларина предприняли новый приступ и их вопли ярости слились воедино с криками морпехов Токсара, атаковавших башню. Скифы навалились по всему фронту, чуя, что победа близка и греки дрогнули.

Сдерживая натиск, оставшиеся гоплиты стали пятиться в сторону небольшой крепости, освобождая берег и теряя множество людей. Ларин увидел, как позади них открылись ворота и греки, потеряв надежду на победу, стали искать спасения за невысокими стенами. Они хлынули туда потоком, атакуемые со всех сторон. Те, кто отворачивался, чтобы быстрее оказаться в крепости, тут же получал стрелу в спину.

— Не позволяйте им закрыть ворота! — вопил Леха, щедро раздавая удары пятившимся гоплитам, — ворваться в крепость на плечах неприятеля!

Несколько рослых скифских воинов, опередив своего командира, выполнили приказ буквально. Разделавшись со своими поединщиками, они вбежали в крепость раньше еще остававшихся снаружи греков и набросились на охранников, оттесняя тех от ворот. Греки, видя, что дело плохо, вновь выстроились в линию и перекрыли короткий проход между двумя сараями, что обнаружился сразу за воротами.

Но, все было тщетно. Зарубив всех, кто еще сопротивлялся перед воротами, морпехи, поймав кураж, быстро выбили защитников с этого плацдарма и бой растекся по закоулкам небольшой крепости. Отовсюду слышались звон оружия, стоны и крики. Греки были обречены, хотя последние защитники сопротивлялись яростно. Они дорого продавали свои жизни и, взо-

бравшись по лестнице на невысокую стену, где еще шел бой, адмирал увидел множество трупов своих солдат. Скифы усеяли весь берег вперемешку с греческими гоплитами.

— Да, половины команды, как не бывало, — пробормотал Леха, бросив быстрый взгляд в сторону канала, где догорал его корабль.

Но предаваться скорби было еще рано, по стене к нему приближалось сразу два копье-носца. Один из них упал, не добежав, — его «снял», выстрелив почти в упор, поднявшийся следом лучник. А вот второй успел нанести удар копьем и, если бы не реакция самого адмирала, лежать бы ему среди своих мертвых солдат. Но, Леха успел пригнуться, прикрывшись щитом, пропустить над плечом острие копья, и вонзить свой меч в живот греку, распоров легкий кожаный панцирь. Тот охнул и, выронив копье, на мгновение остановился в шаге от Ларина, их взгляды встретились. Ярость в глазах грека быстро сменялась выражением опустошения.

Передай привет своим богам, # сплюнул Ларин, и, выдернув окровавленный меч, ударом ноги отправил мертвого грека в полет со стены.

А когда его тело безвольным мешком приземлилось на груды трупов, вновь осмотрелся и, не увидев больше близкой опасности, перевел взгляд на башню. Там тоже все подходило к развязке. Воины Токсара окружили ее и сбросили вниз всех греческих гоплитов и артиллеристов. Сам Токсар разглядев Ларина на стене, стал размахивать руками, сообщая о том, что выполнил приказ.

Вижу, вижу, # пробормотал Леха, устало вытирая пот со лба, # крепость наша. Теперь понять бы, что дальше.

Он вложил меч в ножны и направился к башне, резонно рассудив, что первым делом надо было окинуть взглядом окрестности. Проходя мимо ворот, адмирал заметил Каранадиса, осторожно, вслед за охранниками, которым была поручена его жизнь, входившего в захваченную крепость. Оружейник озибался по сторонам, дергаясь от каждого резкого звука и ожидая, что на него кто-нибудь нападет из уцелевших греков.

Так ты еще жив? — пошутил адмирал, останавливаясь напротив перепуганного оружейника, — а я-то думал, тебя твои соплеменники давно приговорили...

Но, когда и без того бледный Каранадис еще больше потемнел от такой шутки, Ларин поспешил его успокоить. «Еще даст дуба от страха, кто мне тогда новую установку построит», — подумал он. И, похлопав по плечу умельца, добавил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.